

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Понятия достоинства и смирения

Введение

0.1. ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Подобно тому, как можно говорить о наивной физике, геометрии, анатомии, психологии и т. д., есть основания говорить и о наивной (языковой) этике, т. е. тех представлениях об общих принципах поведения человека и нормах его отношения к другим людям и к самому себе, которые запечатлены в языке.

Данная часть, как и предшествующая, посвящена фрагменту наивной этики — двум понятиям, относящимся к самооценке человека. Принципы наивной этики, касающиеся понятий достоинства и смирения, реконструируются на основании анализа самих слов *достоинство* и *смирение* и их дериватов, а также таких близких к *достоинству* слов как *честь*, *гордость*, *самолюбие*; *унижать*, *оскорблять*, *издеваться*; и близких к *смирению* слов *кротость*, *скромность* и некоторых других.

При самом беглом взгляде на этот материал становится ясно, что многие из перечисленных понятий являются предметом анализа и в других гуманитарных областях знания — этической философии, богословии, культурологии и т. п. Некоторые из рассматриваемых слов (прежде всего, *оскорбление*, *достоинство*, *честь*) являются одновременно правовыми понятиями.

При этом наивно-этические представления об этих понятиях и их философская, богословская и культурологическая трактовка, местами совпадая, во многом расходятся. Совпадения в большей степени характерны, по-видимому, для сферы отношения человека к другим людям. Так, действия, унижающие достоинство другого человека, единодушно оцениваются отрицательно (ср. *унижать*, *издеваться*, *измываться*, *глумиться*), а жертвование своими интересами ради других людей — положительно (ср. *жертвенный*, *самоотверженный*, *альтруизм*).

Напротив, большинство расхождений относятся, по-видимому, к сфере отношения человека к самому себе, что может быть объяснено хорошо известной особенностью языка — его эгоцентричностью. Кратко проиллюстрируем это на материале слов *достоинство*, *смирение*, *гордость* и *самолюбие*.

В наивной этике понятие достоинства играет очень существенную роль. Смысл ‘достоинство’ входит в значение целого ряда лексем (преимущественно в составе модальной рамки толкования): таковы, например, слова *унижать*, *унижаться*, *издеваться*, *измываться*, *глумиться*, *пресмыкаться*, *лебезить*, *заискивать*, *холопствовать*, *лакействовать* и др. Что же касается христианской этики, в ней понятие достоинства, напротив, занимает периферийное место.

С понятием смирения дело обстоит совсем иначе. В русской религиозной философии это понятие играет центральную роль, будучи одним из ключевых понятий именно русской духовной культуры. Размышления о смирении как специфической русской черте мы находим у Ф. М. Достоевского, Л. Н. Толстого, Вл. Соловьева, Н. Бердяева, Е. Н. Трубецкого, А. И. Солженицына и многих других. Отошлем читателя к обзору русской философской мысли о смирении как русской национальной черте в статье [Рябов 1999]. Интересно заметить, что, хотя в русском переводе Евангелия *смирение* не упоминается в «заповедях блаженства» (Мф. 5, 3—12), некоторые комментаторы связывают с ним первую заповедь блаженства: *Блаженны нищие духом, ибо их есть Царство Небесное* (Мф. 5, 5)¹.

Что же касается наивной этики, в ней понятие смирения представлено только самой лексемой *смирение* и ее дериватами (*смиряться*, *смиранный*, *смиранный*, *смиранный*, *смиранный*). Кроме того, важно, что в наивной этике смирение может оцениваться не только положительно, но и отрицательно (ср. слова *смиранный*, *смиранный*, *смиранный*).

Еще больший контраст между языковой и христианской этикой демонстрируют *гордость* и *самолюбие*. Остановимся на них подробнее.

С точки зрения христианской этики гордость и самолюбие — это грехи, с т р а с т и. *Вместе с гордостью обыкновенно находится вся saligia, т. е. все семь грехов, считаемых смертными* [Лосский 1994], цит. по [Рябов 1999]; [*Злые ангелы*] *нарушили долг совершенного повиновения Богу и, таким образом, отпали от Него и впали в самолюбие, гордость и злобу* (Святитель Филарет (Дроздов), Православный катехизис); упомянем также вхождение *самолюбия* в «Повседневное исповедание грехов» из православного вечернего молитвенного правила.

В языковой картине мира *гордость* и *самолюбие* предстают совершенно иначе: оба свойства могут оцениваться как отрицательно, так и положительно; ср. *непо-*

¹ Приведем два фрагмента толкования этой заповеди. *По объяснению святителя Иоанна Златоуста, нищета духовная есть смиренномудрие* (Святитель Филарет (Дроздов), Православный катехизис); *Нищие духом — смиренные люди, сознающие, что они не имеют никаких заслуг перед Богом* (Полный церковно-славянский словарь, сост. протоиерей Г. Дьяченко, цит. по [Сковородников 1999]).

мерная (адская) *гордость* — *здоровая* (законная) *гордость*; *больное* (раздутое) *самолюбие* — *здоровое самолюбие*.

С этим связано существование слов, указывающих на чрезмерную гордость и чрезмерное самолюбие — лексем *гордыня* и *себялюбие*. Приведем в этой связи замечание В. В. Виноградова: «Слова *себялюбие*, *себялюбивый*, *себялюбец* явились тогда, когда смысловые оттенки слов *самолюбие*, *самолюбивый*, *самолюбец* — в общественном быту, далеко от церковной идеологии, существенно изменились, когда возникла потребность в новообразованиях для выражения понятий эгоизма, эгоиста и т. п. В самом деле, уже в XVIII в. слово *самолюбие*, определявшееся в словарях Академии Российской как «любовь, пристрастие к самому себе», включало в себя новый признак — высокой оценки своих сил, своего социального достоинства, выражало чувствительность к мнению окружающих о себе» [Виноградов 1994: 633].

Заметим, что христианская этика рассматривает *гордость* и *гордыню*, *самолюбие* и *себялюбие* как синонимы.

Перейдем к подробному анализу рассматриваемых понятий. Предметом рассмотрения данной части будут только языковые представления о соответствующих понятиях, реконструируемые исключительно на основании лексического материала современного русского языка.

0.2. САМООЦЕНКА В НАИВНОЙ ЭТИКЕ

0.2.1. ВЫСОКАЯ САМООЦЕНКА

С точки зрения русской наивной этики нормой признается достаточно высокая самооценка человека. На такую самооценку указывают, в первую очередь, слова *самоуважение*, *достоинство* и *честь*, а также некоторые другие слова и фраземы, такие как *уверенность в себе*, *вера в себя* и др. Вся эта лексика включает положительную оценку со стороны говорящего.

Чрезмерно высокая самооценка осуждается русской наивной этикой. На этот смысл указывает широкий круг слов русского языка — *кичиться*; *хвалиться*; *бахвалиться*; *гордыня*, *себялюбие*, *высокомерие*, *надменность*; *заносчивость*, *спесь*, *амбиция*, *гонор*, *чванство*; *самомнение*, *самонадеянность*, *самоуверенность*, *самодовольство*, *тщеславие*, *амбиции*, *претензия*; *гордец*, *честолюбец*, *хвастун*, *индюк*, *фифа*, *фря*, *воображала*, *заянычка* и мн. др.

Смысл 'чрезмерно высокая самооценка' регулярно сочетается с двумя смыслами: (а) сознанием субъектом собственного превосходства над другими людьми (на это, в частности, указывают слова *гордыня*, *высокомерие*, *надменность*, *чванство* и др.) и (б) указанием на внешний вид и манеру поведения субъекта (на это указывают такие слова как *надутый*, *напыщенный*, *индюк* и др.).

Интересна семантика слова *гордость*. Это слово способно указывать и на адекватно-высокую самооценку (ср. *гордость за сына*; *законная* (здоровая) *гордость*), и на преувеличенную самооценку, совмещенную с сознанием собственного пре-

восходства над другими людьми (ср. *дьявольская гордость*; *подозревать кого-л. в гордости*; *Одна лишь гордость в нем не умалилась. Напротив: чем хуже становились его обстоятельства, тем надменнее, и высокомернее, и неприступнее становился он сам* (Тургенев, МАС)). Ср. также пару *гордиться* — *возгордиться*.

Важно заметить, что наивно-языковые представления констатируют близость адекватно-высокой и завышенной самооценок. Так, даже *достоинство* — важнейшая принадлежность человека как личности — может быть чрезмерным (ср. *с преувеличенным достоинством, гипертрофированное достоинство*). Показательно существование таких пар как *уверенность в себе* — *самоуверенность*, *гордость* — *гордыня* и *самолюбие* — *себялюбие*: первые члены этих пар указывают на нормальную самооценку, вторые — на преувеличенную.

Интересно, что, согласно наивной этике, нормальная самооценка может сама собой превращаться в чрезмерную, но не наоборот. Ср. *его здоровая гордость постепенно переросла в дьявольскую гордыню*; *Смотри, как бы такая уверенность в себе не обратилась в слепую самоуверенность при нетипичности* ?*Его гордыня постепенно превратилась в здоровую гордость* и прагматической странности *Будем надеяться, что его слепая самоуверенность со временем обратится в здоровую уверенность в себе*.

Семантика *достоинства* и многих других слов высокой самооценки включает представление о положении субъекта на вертикальной шкале ценности. Некоторые действия как самого обладателя достоинства, так и других людей могут влиять на это положение на шкале: прежде всего, делать его ниже. Такое понижение самооценки всегда о с у ж д а е т с я наивной этикой.

Лексику высокой самооценки (в частности, лишения такой самооценки) пронизывает метафора верха и низа: ср. внутреннюю форму *надменности*, *высокомерия* и сочетаний *унижать (достоинство)*, *унижаться до чего-л.* или *перед кем-л.*, *ронять достоинство*, *считать что-л. ниже своего достоинства*. Эта же метафора лежит в основе внутренней формы глагола *опуститься* (ср. *Оставившись без работы, он запил и совсем опустился*)², сленгового глагола *опускать*, синонимичного *унижать* (ср. — *А ты не разбираешься, так и сиди. — Хорош уже меня опускать!*), а также сленгового глагола *надстраиваться*, указывающего на самоутверждение субъекта за счет унижения объекта (ср. *С ним невозможно разговаривать: он вечно пытается над тобой надстроиться*).

Заметим, что другая группа лексики, для которой важна метафора верха и низа — это слова, касающиеся сферы морали и нравственности: ср. *низкий (поступок)*, *низость*, *подонок*, *покатиться по наклонной плоскости*, *падшая женщина* и др.

² В языке XIX в. в этом же значении мог употребляться глагол *унижаться*. Ср. *Когда его [капельмейстера] выгнали, он совершенно унизился, стал ходить по деревенским трактам, напивался, иногда просил милостыню* (Ф. М. Достоевский, Неточка Незванова).

0.2.2. НИЗКАЯ САМООЦЕНКА

При попытке описать слова со смыслом ‘низкая самооценка’ мы сталкиваемся с асимметричностью между устройством этой лексики и лексики высокой самооценки. Эта асимметрия состоит в следующем.

0.2.2.1. Посмотрим на слова *смирение, кротость, скромность; покорность, безответность; тихость; робость, малодушие, застенчивость; самоуничижение.*

На первый взгляд эта лексика имеет значение, противоположное лексике высокой самооценки. Действительно, типично противопоставление *гордости (гордыни)* и *смирения; гордости* и *скромности; самоуверенности* и *робости* и т.д. Ср. *Опять гордость! где же смирение?* (И. А. Гончаров, Обрыв); *Блага временные и вечные приобретаются не гневом и гордостью, но простотою, умилением и смирением* (С. М. Соловьев, История России с древнейших времен).

В то же время, более пристальный анализ этих слов показывает, что основу их семантики составляет не столько низкая самооценка, сколько несовершенство субъектом тех или иных действий или отказ от демонстрации собственной значимости. Ср. *Сдать блестяще экзамены, а потом смиренно говорить: да нет, Господь помог, — это слишком легко* (Митрополит Антоний (Блум), Без записок); *Такой человек, как он, несмотря на внешнюю скромность и тихость, таит в себе некий пыл и способен в минуту гнева сделать из человека шашлык* (В. Набоков, Соглядатай).

Поэтому семантика многих рассматриваемых слов вполне совместима с высокой самооценкой. Ср. *Он [Горький] был исключительно скромн — даже в тех случаях, когда был доволен самим собой* (В. Ходасевич, Горький); *В стихотворении «Йорк», посвященном Одену, на фоне йоркширского ландшафта нарисован ландшафт души самого Бродского — души стойка, скептика и гордеца, упражняющегося в смирении* (Л. Лосев. П. Вайль, Иосиф Бродский: Труды и дни).

0.2.2.2. Как было сказано, нормой в наивной этике признается достаточно высокая самооценка субъекта. По этой причине для рассматриваемых в настоящем пункте слов характерна отрицательная семантика: многие из них содержат в своем значении компонент ‘такой, который не...’. Для лексики высокой самооценки отрицание в вершине толкования совершенно нехарактерно.

0.2.2.3. Многие из упомянутых слов, так же, как и лексика высокой самооценки, передают отрицательную оценку со стороны говорящего. Однако при этом обращает на себя внимание, что если в области высокой самооценки наивной этикой осуждается, прежде всего, завышенность самооценки, то в случае слов из приведенного списка осуждение вызывает не заниженность самооценки, а, во-первых, неспособность субъекта совершать активные действия или оказывать отпор агрессии (на этот смысл могут указывать слова *безответность, покорность, тихость, робость* и др.), и, во-вторых, притворство субъекта. Рассмотрим последний смысл подробнее. Отсутствие ожидаемой демонстрации высокой самооценки или, тем более, демонстрация низкой могут дать повод, с точки зрения наив-

вной этики, подозревать субъекта в неискренности. Указание на притворство субъекта имеет системный характер для рассматриваемой лексики.

В наибольшей степени этот смысл характерен для *смирения* и *скромности*. С одной стороны, можно говорить о *ложном* (*показном, напускном, деланном*) *смирении* и о *притворной* (*наигранной, фальшивой*) *скромности* и, с другой, о *подлинном* (*истинном*) *смирении* и *неподдельной* (*искренней*) *скромности*. Описание притворного поведения также типично для дериватов *смиреничить*, *скромничать*, *смиреник*, *скромник*, *смиреница* и *скромница*. Ср. *Он стал готовить первую книжку своих стихов, и чем больше по виду смиренничал, тем жгучее в нем разгоралась надежда, что с выходом книги судьба его разом, по волшебству, изменится* (В. Ходасевич, Неудачники); [*Богомолки*] *отвешивали Тихону Ильичу низкие, смиренные поклоны, но теперь ему уже опять все казалось жульничеством. — Смиреницы! А грызутся небось на ночевках, как собаки!* (И. Бунин, Деревня); *Надев маску скромника, Иосиф этой маски уже не снимал* (В. Пикуль, Фаворит). Наконец, указание на притворство со стороны субъекта составляет основу семантики глагола *прибедняться* и фразем *петь Лазаря* и *казанская сирота*.

Для лексики высокой самооценки указание на притворство практически невозможно; ср. неправильность **показное чувство собственного достоинства; наигранное самолюбие; *ложное высокомерие; *притворная самонадеянность* (*самоуверенность*); *??фальшивый гонор; ??Я не верю в твое чувство собственного достоинства* (*твое высокомерие; твою гордость...*).

0.2.2.4. Способность описывать притворное поведение определяет способность *смирения* и некоторых других близких слов сближаться со словами высокой самооценки: ср. *смирение паче гордости, уничтожение паче гордости*.

Обуянный гордыней смирения, он удалился в лесную землянку и стал жить в дубовом гробу (И. Ильф и Е. Петров, Двенадцать стульев);

Не могу я поверить в это якобы смирение, именно якобы, потому что под ним — это видно, что называется, невооруженным глазом — гордыня, гордыня тотальная и по сути своей, и по замаху (Н. Шмелев, Последний этаж);

Переписка О. Фрейденберг с Б. Пастернаком — переписка гордости с уничтожением паче гордости (М. Гаспаров, Записи и выписки);

Заметим, что противоположное приближение слов высокой самооценки к *смирению*, *самоуничтожению* и др. словам невозможно: ср. абсурдное **Обуянный смирением гордыни; *За этой гордыней скрывается смирение; *гордость паче уничтожения*.

0.2.2.5. Наконец, *смирение* и другие слова из этой группы не связаны с представлением о шкале ценности и, соответственно, с метафорой верха и низа.

0.3. АТТРИБУТЫ ЛИЧНОСТИ

Прежде чем переходить к подробному описанию лексики, относящейся к понятиям достоинства и смирения, остановимся на одном противопоставлении, имеющем системный характер для рассматриваемых слов.

Известно, что русская языковая картина мира включает представление о существовании различных невидимых сущностей внутри человека. Е. В. Урысон в книге [2003а] выделяет следующую типологию невидимых сущностей. *Душа, память, воображение* и др. предстают невидимыми вместилищами — как бы отдельными органами внутри человека (ср. *душа болит; душу переполняет радость; хранить в памяти; память слабеет; воображение рисует ужасные картины*). Семантике слова *совесть* одновременно присущи черты невидимого органа и некоего существа внутри человека³: *совесть мучает (велит, заставляет, грызет); совесть проснулась (заговорила)*. *Дух и силы* предстают в русской языковой картине мира как невидимые субстанции (ср. *упадок духа (сил); испустить дух; подкрепить (восстановить) силы*).

Анализ некоторых слов, являющихся предметом рассмотрения настоящей части, позволяет говорить о еще одном типе невидимых сущностей.

Обратимся к словам *достоинство* и *честь*. В русском языке эти понятия предстают не как обычные свойства (такие как, например, *доброта, благородство* или даже *честность*, достаточно близкая к *чести*), а как некие нематериальные ценности, а т р и б у т ы личности⁴. Проявляется это в следующем.

Во-первых, *достоинство* и *честь* присущи человеку не в качестве его индивидуальной особенности, а постольку, поскольку их обладатель является личностью или обладателем той или иной роли в обществе; ср. *достоинство личности, человеческое достоинство, национальное достоинство, писательское достоинство, достоинство артиста; личная честь, офицерская честь, честь мужа, честь ученого*. Таким образом, и *достоинство*, и *честь* двухактантны: кроме валентности субъекта (точнее, обладателя) они управляют валентностью социальной роли. Заметим, что для достоинства центральными являются контексты, где речь идет о достоинстве личности. На этот смысл указывают и употребления слова *достоинства* с незаполненной второй валентностью (ср. большинство приводимых ниже примеров).

Во-вторых, обладатель *достоинства* и *чести* должен соотносить с ними свои поступки (ср. *считать что-л. ниже своего достоинства; вести себя с достоинством; достоинство не позволяет (заставляет) делать что-л.; считать что-л. делом чести; законы чести требуют сделать что-л.; с честью выйти из какой-л. ситуации*).

³ Об этом см. также в книге [Апресян 1995].

⁴ Термин *атрибут* для описания слова *достоинство* предложила Т. В. Крылова в рецензии на мою дипломную работу «Концепт достоинства в русской языковой картине мира». Заметим, что в российском законодательстве по отношению к *достоинству* и *чести* используется альтернативный термин — «нематериальные блага» (Гражданский кодекс РФ, ст. 150). Подробному анализу понятий достоинства и чести в правовом аспекте посвящена книга [Понятие чести и достоинства 1997].

В-третьих, *достоинство* и *честь* открыты для воздействия как со стороны своего обладателя, так и со стороны других людей. Ср. *унижать* (ронять, терять) *достоинство*; *задевать* (оскорблять, позорить, втаптывать в грязь) *честь*; *спа-сать* (восстанавливать) *честь*, *взывать к чьей-л. чести*, *заступаться за чью-л. честь*, *жертвовать честью*; *Береги честь смолоду* и др. Как видно, особенно хорошо разработана лексика травмирования этих атрибутов.

В отличие от названий обычных свойств, слова *достоинство* и *честь* не имеют прямо соотносящихся с ними по семантике прилагательных: слова *достойный* и *честный* обладают значительной смысловой спецификой.

Перечисленные особенности отличают атрибуты от названий обычных свойств. Так, нельзя говорить о *человеческой* (писательской) *доброте* (в нужном значении), нельзя **считать что-л. ниже своей доброты* (честности), **делать что-л. с добротой* (с честностью), **унижать* (спасать, беречь) *доброту* (честность), **заступаться за чью-л. доброту* (честность).

Наряду с *достоинством* и *честью* указание на атрибут личности содержится в семантике *гордости* и *самолюбия*. Они также могут связываться с социальной ролью (ср. *мужская гордость*, *мужское самолюбие*, *самолюбие ученого* (артиста)), также способны удерживать субъекта от одних поступков и толкать на другие (ср. *гордость не позволяет просить о прибавке*, *самолюбие мешает признать ошибки*, *гордость толкнула его на этот отчаянный поступок*, *самолюбие заставляет выкладываться по полной*) и, наконец, также открыты для воздействия со стороны своего обладателя и других людей (ср. *Это задевало мою гордость* (мое самолюбие); *оскорбленное самолюбие*; *удар по самолюбию*; *щадить* (подстрекать) *чью-л. гордость* (чье-л. самолюбие); *тешить* (чье-л. самолюбие); *льстить* (чьему-л. самолюбию)).

Интересно заметить, что *гордыня* и *себялюбие*, отличающиеся от *гордости* и *самолюбия* почти исключительно чрезмерностью самооценки субъекта и, соответственно, безусловным осуждением со стороны говорящего, функционируют в языке как обычные свойства и не имеют особенностей, характерных для атрибутов; ср. невозможность подстановки этих слов в приведенные выше сочетания.

Отдельные черты, присущие атрибутам, обнаруживает слово *скромность*. Так, *скромность* может регламентировать поведение человека: ср. *Скромность не позволяет спросить, кто отец ребенка*; *из скромности отвернуться*. Контексты, в которых в отношении *скромности* совершаются различные действия, также возможны, хотя и менее характерны для современного языка. Ср. следующие несколько устаревшие контексты: *пожалей её скромность*; *Деспина что-то отвечала ей* (...), *обращая внимание тетушки на то, что с этой ветки кривая взгляда чужого мужчины никак не может нанести ущерба ее скромности* (Ф. Искандер, Сандро из Чегема); *Оберегая ее скромность, она выкажет собственную добродетель* (А. Рыбаков, Дети Арбата). Таким образом, можно предположить, что в современном языке *скромность* теряет свойства «атрибутности».

Заметим, что среди лексики, не являющейся предметом рассмотрения в данной части, в наибольшей степени черты атрибута присущи, по-видимому, словам *авторитет*, *престиж*, *репутация*, *реноме*, *имя (доброе)*, *слава (дурная)* и др. — то есть лексике, описывающей общественное мнение о человеке⁵. Слова *репутация*, *реноме*, *имя* и *слава (дурная)*, подобно *достоинству*, *чести*, *гордости* и *самолюбю* включают в ситуацию социальную роль обладателя: ср. *репутация Иванова как врача*; *имя Иванова как ученого*. Можно говорить и о совершении различных действий с этими атрибутами. Так, *авторитетом* можно *прикрываться*, им можно *давить* и *подавлять*. *Авторитет* можно *блюсти*, *повышать*, *укреплять*, или, наоборот, *подтачивать*, *подрывать* и мн. др.

ГЛАВА 1. ПОНЯТИЕ ДОСТОИНСТВА

1.1. ДОСТОИНСТВО И ЧЕСТЬ

Первая глава строится следующим образом. Сначала рассматриваются основные различия между словами *достоинство* и *честь*, затем подробно описывается нанесение ущерба этим атрибутам, то есть, в первую очередь, глаголы *унижать* и *оскорблять*, а также их дериваты. Следующий раздел посвящен описанию понятия издевательства: в нем подробно анализируется глагол *издеваться* в кругу близких слов. Завершает главу описание близких к *достоинству* понятий *гордости* и *самолюбия*.

Слова *достоинство* и *честь* будут нас интересовать почти исключительно в одном из своих значений — *достоинство 2* и *честь 1*. Проиллюстрируем их парой примеров. *Дирижер с достоинством поклонился*; *Несмотря ни на что, ему удалось сохранить достоинство*; *Офицерская честь для него превыше всего*; *Береги честь смолоду*. В дальнейшем описании индексы лексем будут опускаться.

Перечислим другие значения этих слов, близкие к рассматриваемым.

У слова *достоинство* есть лексема *достоинство 1* = ‘положительное качество’, ср. *При всех достоинствах этого плана не будем забывать и о его недостатках*, а также лексема *достоинство 3* = ‘стоимость, ценность (денежных знаков или ценных бумаг)’; ср. *Купюры достоинством 5 рублей изымаются из обращения*. Кроме того, у этого слова есть еще одно совершенно устаревшее значение ‘титул, звание’; ср. *Иосиф II дал ему [Фоггу] баронское достоинство* (Греч, БАС); *Приидете вси язъци, {...} и възрастъ всякъ, и всяко достоинство, со веселиемъ {...} рожество празднуемъ* (Словарь русского языка XI—XVII вв.).

У слова *честь* есть близкое значение ‘почет, уважение’; ср. *Для меня такое предложение — большая честь*; *Жуковскому принадлежит честь введения романтизма*

⁵ Эти слова подробно описаны Е. Э. Бабаевой в словаре [НОСС 2004]. См. статьи *авторитет* и *репутация*.

в русскую поэзию (Белинский, МАС), а также устаревшее значение ‘высокое звание, должность, чин; почесть’; ср. *Царь наградил его заслуги честью И золотом. Басманов в царской Думе Теперь сидит* (Пушкин, МАС).

1.1.1. Достоинство VS. честь

Достоинство и *честь* входят в число сущностей, относящихся ко внутреннему миру человека и способных определять его поведение. Как было сказано выше, *достоинство* и *честь* выступают как атрибуты личности. Перейдем к описанию различий между этими двумя понятиями.

Итак, и *достоинство*, и *честь* обязывают человека вести себя определенным образом. Однако характер этих требований различен. *Достоинство* — это, скорее, в н у т р е н н и й принцип, тогда как *честь* связана со в н е ш н и м и по отношению к человеку предписаниями. *Честь* предполагает существование к о д е к с а, совокупности правил и связана с ритуалом. Поэтому можно говорить об *обязанностях* (предписаниях, правилах) *честь* и *суде чести*, но не об **обязанностях* (предписаниях, правилах) *достоинства* и не о **суде достоинства*. Можно быть *невольником чести*, но не **невольником достоинства*.

Достоинство, скорее, определяет границы дозволенного, в то время как *честь* связана с конкретными предписаниями и правилами. Поэтому для *честь* характерны контексты типа *Законы чести рекомендуют выход единственный — застрелиться* (М. Веллер, Баллада о знамени).

Достоинство предполагает, что субъект ч у в с т в у е т собственную ценность, в то время как следование правилам *честь* носит более рассудочный характер. Можно быть *знатоком в вопросах чести*, но не **знатоком в вопросах достоинства*.

По этой же причине можно *быть исполненным* (преисполненным, полным) *достоинства*, но не **исполненным* (преисполненным, полным) *честь*. Ср. также *У них [в Штатах] ни в одной гримасе, ни в жесте, ни в реплике нет ни малейшей неловкости, к которой мы так привыкли. На каждой роже изображается в минуту столько достоинства, что хватило бы всем нам на всю нашу великую семилетку* (Вен. Ерофеев, Москва — Петушки).

Сознание собственной ценности, на которое указывает *достоинство*, может быть *преувеличенным* (гипертрофированным). Говорить о *гипертрофированной чести* было бы странно.

Связь с чувствами субъекта определяет синонимичность слова *достоинство* с фраземой *чувство собственного достоинства*. Подробнее эта фразема описывается в п. 1.1.3.

Достоинство и *честь* различаются с ф е р о й поведения, которую они регламентируют. Сознание собственной ценности, питающее *достоинство*, определяет самые р а з н ы е поступки обладателя свойства, в том числе внешние стороны поведения, включая манеру держаться, тогда как правила *честь* касаются в основном сферы м о р а л и и этики.

Рассмотрим сочетания *офицерское достоинство* и *офицерская честь*. Хотя в МАС'е *честь* в сочетаниях *воинская честь* и *офицерская честь* толкуется как 'достоинство', в действительности между *достоинством* и *честью* в таких сочетаниях сохраняется указанное различие. О чести неуместно говорить в ситуациях, никак не связанных с морально-этической стороной. В частности, неуместна была бы подстановка слова *честь* в следующий пример. *Мне досталась больничная палата, в которой печка не действовала, и санитары отказались ее чистить; я сбросил форму, вычистил печку и принес уголь. (...) Товарищи устроили скандал [из-за того,] что я «унижаю офицерское достоинство»* (Митрополит Антоний (Блум), Без записок).

Сознание своей ценности, описываемое словом *достоинство*, проявляется в манере поведения субъекта: он ведет себя неторопливо, не суетится, держится прямо, независимо и говорит неспешно, спокойно. Приведем несколько характерных примеров:

Дунчиль спокойно и с достоинством повернулся и пошел к кулисе (М. Булгаков, Мастер и Маргарита);

Настроение Николаса изменилось — стало строгим и торжественным. Не суетиться, держаться с достоинством. Это единственное, что остается человеку на исходе нескладной, глупо прожитой жизни (Б. Акунин, Алтын-Толобас);

Егор вынул из кармана довольно толстую пачку десятирублевков и двадцатипятирублевков. (...) Официант при виде этой пачки тоже очень обеспокоился, но изо всех сил старался хранить достоинство (В. Шукшин, Калина красная).

В языке XIX в. на внешние проявления достоинства также мог указывать дери-ват *достойный*; ср. — *Не потрудитесь ли подать [адвокату] мою карточку, — достойно сказал Алексей Александрович* (Л. Н. Толстой, МАС).

По аналогии с человеком можно говорить о достоинстве даже по отношению к ж и в о т н ы м, что для *чести* совершенно невозможно.

Ротвейлер не элегантен, но от его силы веет чувством собственного достоинства;

Этот пес молчалив, мрачен и полон чувства собственного достоинства. На детей он не обращает ни малейшего внимания и, шагая мимо них, стучит по ним своим хвостом, как по стульям (А. П. Чехов, Событие);

Не скрою, мне передавалось от коня его аристократическое совершенство и достоинство (В. Астафьев, Обертон).

Такому, так сказать, «внешнему» достоинству может противопоставляться *внутреннее достоинство* — сознание своей ценности и готовность хранить эту ценность в любых обстоятельствах; ср. *Что спасло в те нелегкие дни будущего лауреата Государственной премии РСФСР [поэта Мартынова]? Внутреннее достоинство интеллигента? Его величество Случай?* (НМ, 4, 1998).

Аналогичное разделение на внутреннюю и внешнюю для *чести* совершенно нехарактерно.

В культуре XVIII—XIX вв. честь считалась принадлежностью лишь некоторых сословий, прежде всего, дворян и военных. Следы закреплённости понятия *чести* за определенными сферами сказываются и в современном языке. Сочетания типа *писательская честь*, *честь пианиста* безусловно воспринимаются как менее привычные и более образные по сравнению с *дворянской*, *воинской* и *офицерской честью*. Высказывания типа *Вот что стало с офицерской честью!*; *Во что превратилась воинская честь!* выглядят гораздо естественнее по сравнению с прагматически странными фразами типа *Вот что стало с писательской честью!* *В наше время честь пианиста ни в грош не ставят!* Ср. также следующие характерные примеры:

Я не хотел бежать. Во мне еще была воинская честь, и дезертировать казалось мне тяжким преступлением (П. Мериме, Кармен, пер. М. Лозинского);

— *Вот, Наталья Филипповна, пред вами личность, нашу дворянскую честь в грош ломаный не ставящая, — вдруг радостно этак объявляет мой родитель* (Б. Васильев, Картежник и бретер, игрок и дуэлянт);

Я бывший офицер и человек чести (А. Н. Толстой, МАС).

Следующее важное различие между *достоинством* и *честью* состоит в следующем. Понятия о достоинстве скорее у н и в е р с а л ь н ы, тогда как честь в большей степени у с л о в н а. Кодексы чести разных групп могут быть совершенно различны, могут существовать экзотические кодексы чести. Практически у любой корпорации может существовать свой кодекс чести. Так, можно говорить о *кодексе чести судьи Российской Федерации*, *кодексе чести рядового начальствующего состава внутренних органов*, *кодексе чести таможенника* и даже *кодексе чести участника Ассоциации рыбопромышленников Сахалина* (все примеры — из Интернета). Ср. также *Воюя с мужчинами, применяй мужское оружие, а воюя с женщинами — женское. Вот самурайский кодекс чести, и в нем нет ничего гнусного* (Б. Акунин, Левиафан). *Достоинство* в подобных контекстах не употребляется.

Понятия о *чести* могут различаться не только у разных групп: каждый человек может по-своему т р а к т о в а т ь честь. Ср. *У меня свой кодекс чести, у тебя — свой; Из боя он должен был выйти последним — так он понимал свою командирскую честь* (Симонов, МАС).

К требованиям чести можно относиться по-разному, поэтому можно быть *цепетильным в вопросах чести*, но не **цепетильным в вопросах достоинства*. Ср. также следующие примеры.

— *Вы, кажется, сомневаетесь в нашей порядочности? — голосом дуэлянта произнес друг, для которого вопросы чести всегда и во всем стояли на первом месте* (В. Катаев, Алмазный мой венец);

Подполковник Нетребин и не рискнул бы на дуэль, дорожа местом больше, чем честью (Б. Васильев, Дом, который построил Дед).

Честь, в отличие от *достоинства*, может мыслиться как *и н с т и т у ц и я*, которую можно отменить: ср. *Честь, честь отменили, мерзавцы... — сказал он вдруг с горечью* (В. Каверин, Девять десятых судьбы).

Честью, в отличие от *достоинства*, в какой-то мере можно *м а н и п у л и р о в а т ь*. Ср. *пожертвовать честью; променять честь на теплое местечко*.

Во имя спасения христианского мира вы пожертвуете и своей честью (Б. Акунин, Алтын-Толобас);

Петр со всякими новыми алчущими людишками, с купцами и дворянами, променявшими дедовскую честь на алонжевый парик, (...) истоцал казну на воинские и другие потехи (А. Толстой, Петр Первый).

Понятия о *чести*, кроме того, весьма изменчивы во в р е м е н и, в то время как понятия о *достоинстве* значительно более стабильны. Можно говорить о *старомодных* и даже об *устаревших* *понятиях о чести*, но вряд ли о *старомодных* *(устаревших)* *понятиях о достоинстве* *(чувстве собственного достоинства)*. Ср. *Слышали, полковник продавал чеченцам танки? Вот что стало с офицерской честью!* при невозможности сочетания **Вот что стало с достоинством* *(с чувством собственного достоинства)!*

В современном языке отражено представление о достоинстве как о важнейшей человеческой ценности, о с н о в е человеческой л и ч н о с т и⁶. Ср. характерное начало Всеобщей декларации прав человека: *Принимая во внимание, что признание достоинства, присущего всем членам человеческой семьи, и равных и неотъемлемых прав их является основой свободы, справедливости и всеобщего мира (...), Генеральная Ассамблея провозглашает настоящую Всеобщую декларацию прав человека*. Ср. также: *Любая тема [для Честертона] — предлог, чтобы еще, и еще, и еще раз поговорить о самом главном: о том, ради чего люди живут и остаются людьми, в чем основа, неотчуждаемое ядро человеческого достоинства* (С. Аверинцев. Г. К. Честертон, или Неожиданность здравомыслия).

Составляющее семантику достоинства указание на универсальную ценность, присущую всякой личности, определяет возможность использования этого понятия и в христианской системе ценностей.

Люди могут друг друга унижать, люди могут не признавать достоинства другого человека, — Бог всегда его признает; и требует его, и как бы вызывает его каким-то чудом из тех глубин, где оно зарыто, куда оно ушло, как будто град Китеж потонувший (Митрополит Антоний (Блум), О Евангельском благовестии);

Достоинство человеческой личности укоренено в сотворении ее по образу и подобию Божию (Катехизис католической церкви, пер. с лат).

⁶ Понятие личности, его формирование и история детально рассмотрены В. В. Виноградовым [Виноградов 1994]. О понятии личности см. также работу [Вайс 1999].

Достоинство, согласно языковой картине мира, в норме присуще всем людям, причем не только взрослым. Ср. *После 6 лет ребенок <...> приобретает чувство собственного достоинства и хочет, чтобы его уважали* (Б. Спок, Ребенок и уход за ним, пер. с англ.).

С другой стороны, оно может оставаться скрытым, как бы дремать в человеке, поэтому можно говорить о необходимости *пробуждать <формировать, развивать, воспитывать> достоинство <чувство собственного достоинства>*.

Задача учителя — развивать у учащихся чувство собственного достоинства;

— Нужно в человеках возвращать и лелеять достоинство. Чтоб люди себя и других уважали (Б. Акунин, Пелагия и белый бульдог).

Можно говорить и о формировании достоинства как абстрактного идеала; ср. следующие строчки Булата Окуджавы.

Чувство собственного достоинства —

Вот загадочный инструмент:

Созидается он столетьями,

А утрачивается в момент.

Употребление *чести* во всех этих контекстах гораздо менее характерно.

Честь отличается от достоинства и тем, что связана с мнением о человеке д р у г и х людей, в то время как *достоинство* совершенно независимо от такого мнения. Потеря чести связана с п о з о р о м для человека, утрата достоинства — с ущербом для самой его л и ч н о с т и. Поэтому сохранить сознание собственной ценности, на которое указывает слово *достоинство*, можно и в о д и н о ч е с т в е, тогда как соответствие морально-этическим правилам, описываемое словом *честь*, возможно только тогда, когда есть д р у г и е люди. Сохранить достоинство можно и на необитаемом острове, тогда как понятие чести связано с социумом. Ср. *Медленно умирая в полном одиночестве, всеми забытый, он сумел сохранить чувство собственного достоинства*. Ср. также *Достоинство человека заключается в том, чтобы «быть самим собой» в любых обстоятельствах*. [Смысл этого выражения] *вовсе не в том, чтобы охранять свои слабости и природные черты характера, а в том, чтобы сберечь от угасания и вырождения свое глубочайшее «я», то духовное ядро, которое живо только своей связью с Духом. Измена ему унижительна для человека и равна потере себя* (Протоиерей А. Мень, «Христианос», № III, 1994).

Связь семантики чести с мнением других людей выступает на первый план в контекстах типа *постоять за честь российского спорта (честь школы)*, а также в значении лексем *честь* 2 (\approx ‘почет, уважение’).

В норме *достоинство* предполагает не только высокую самооценку субъекта, но и соответствующее отношение со стороны д р у г и х людей. Тем не менее, этот смысловой компонент не является для семантики достоинства обязательным — в особенности в уже обсуждавшемся выше сочетании *внутреннее досто-*

инство. Ср. *Несмотря на то, что выглядел он жалко (все считали его шутом), он сумел сохранить внутреннее достоинство.* Приведем также следующее рассуждение.

Достоинство человека — не в славе, не в величии, не в победе, не в успехе, ни в одном из этих критериев, которые служат для оценки человека в обычной жизни; можно быть подонком (в глазах людей) — и обладать всем достоинством человеческим. (...) Можно сохранить достоинство человека, где бы ты ни оказался, на какой глубине этого поражения и сокрушения ты бы ни оказался (Митрополит Антоний (Блум), О Евангельском благовестии).

Заклучим описание различий между *достоинством* и *честью*, предложив толкования этих слов.

X-овое достоинство Y-a = ‘нематериальный атрибут человека Y — сознание собственной высокой ценности как личности или как члена социальной группы X и такое поведение, чтобы эта самооценка не стала ниже’.

X-овая честь Y-a = ‘нематериальный атрибут человека Y — сознание себя членом социальной группы X и такое соблюдение морально-этических правил, принятых для этой социальной группы, чтобы самооценка Y-a или его оценка со стороны других X-ов не стала ниже’.

1.1.2. ФРАЗЕМА ЧУВСТВО СОБСТВЕННОГО ДОСТОИНСТВА

Эта фраза и слово *достоинство* очень близки, в большинстве контекстов они взаимозаменяемы.

И *достоинство*, и *чувство собственного достоинства* одинаково свободно сочетаются с глаголами, описывающими травматическое воздействие (*унижать*, *оскорблять*, *ранить*, *ущемлять* и пр.).

В то же время между этими языковыми единицами существует ряд различий.

Самая очевидная особенность фраземы состоит в том, что в ней занята валентность роли: эта фраза всегда указывает на достоинство личности. Ср. сомнительность ^{??}*мужское чувство собственного достоинства* и невозможность трактовки в родовом статусе сочетаний типа *чувство собственного достоинства писателя (офицера)*.

Другая особенность фраземы состоит в том, что в её семантике на первом плане всегда находится с о з н а н и е субъектом собственной ценности, в то время как в семантике *достоинства* акцентироваться может ц е н н о с т ь субъекта сама по себе. Поэтому в ряде контекстов использование фраземы предпочтительно. Ср. *гипертрофированное чувство собственного достоинства; Я восхищался его чувством собственного достоинства; Он превратился в человека без чувства собственного достоинства; Он держался очень просто, но не теряя чувства собственного достоинства; Злее всех был инспектор, старавшийся запугать семинаристов, подавить в них чувство собственного достоинства и добиться рабского повиновения во всем (П. Нилин, Интересная жизнь).*

В семантике *достоинства* компонент ‘ценность субъекта’ выходит на первый план, прежде всего, в сочетаниях *ронять достоинство* и *считать что-л. ниже своего достоинства*. В этих сочетаниях использование фраземы невозможно, ср. неправильность **ронять чувство собственного достоинства*, **считать что-л. ниже своего чувства собственного достоинства*. Ср. также неправильность **Пойми, ты унижаешь свое чувство собственного достоинства*.

В сочетании с предлогом с фразема *чувство собственного достоинства* всегда указывает на манеру поведения субъекта. Поэтому ее использование в следующем контексте вызвало бы комический эффект: *Вы художник, талант и должны с достоинством нести свой крест* (Н. Шмелев, Теория поля).

Наконец, *достоинство* не может быть заменено на *чувство собственного достоинства* в сочетаниях с определением, характеризующим манеру поведения субъекта. Ср. отсутствие взаимозаменяемости в следующих примерах.

Я взяла свою папку и с неторопливым достоинством покинула ее кабинет (О. Николаева, Всякое дыхание...);

— *Где убитый?* — *Этого я не знаю,* — *со спокойным достоинством ответил человек* (М. Булгаков, Мастер и Маргарита).

В остальном лексема *достоинство* и фразема *чувство собственного достоинства* ведут себя одинаково.

В заключение заметим, что кроме сочетания *чувство собственного достоинства* в текстах встречается также сочетание *чувство человеческого достоинства*, с точки зрения современного языка выглядящее несколько устаревшим; ср. [*России*] *нужны не проповеди <...>, не молитвы <...>, а пробуждение в народе чувства человеческого достоинства, столько веков потерянного в грязи и соре* (Белинский, МАС).

1.2. ПОНЯТИЕ УНИЖЕНИЯ. НАНЕСЕНИЕ УЩЕРБА ДОСТОИНСТВУ

Напомним основные выводы из сравнительного описания семантики *достоинства* и *чести*. Итак, они предстают в языке атрибутами личности — нематериальными ценностями, которыми человек дорожит и с которыми он должен соотносить свое поведение. Природа этой ценности в случае *достоинства* состоит в том, что человек сознает себя полноценной и равноправной личностью или полноценным и равноправным членом данной социальной группы и ведет себя соответственно. *Честь*, в свою очередь, предполагает следование совокупности морально-этических правил, принятых в данной социальной группе.

В русском языке особенно богато развита лексика, описывающая «травматическое» воздействие на *достоинство* и *честь*. Перейдем к более подробному описанию этого смысла.

Ущерб *достоинству* наносит то, что не согласуется с полноценностью человека как личности или как члена данной социальной группы. О таком ущербе можно

говорить с двух точек зрения: с точки зрения самого субъекта — когда действия других людей по отношению к нему или какая-то ситуация, в которой субъект участвует, противоречит его сознанию собственной ценности (ср. *Он всячески стремится меня унижить; Ты унижаешь меня своим состраданием*), и «извне» — когда поступки субъекта оцениваются как несоответствующие его ценности (ср. *Пойми, такой поступок унижит тебя; Сделать это значило бы уронить свое достоинство*). Ниже лексика, описывающая оба этих случая, будет рассмотрена подробно.

Ущерб *чести* наносит то, что вступает в противоречие с правилами, существующими для обладателей данной социальной роли. На этот смысл прежде всего указывает глагол *оскорблять*, подробному описанию которого посвящен п. 1.3.

Слова *унижать* и *оскорблять* относятся к широкому классу каузативных глаголов с характерной меной диатезы вида *Ты унижаешь меня своей жалостью* — *Твоя жалость унижает меня; Ты оскорбляешь меня такими предположениями* — *Эти твои предположения оскорбляют меня*.

Мы будем считать, что у глагола *унижать* в этих конструкциях представлены две разные лексемы. Предложим их толкования, сопроводив каждое примерами.

Унижать 1. *X унижает 1 (достоинство) Y-a* = ‘X совершает по отношению к человеку Y действие P; говорящий или Y считает, что P наносит ущерб достоинству Y-a, и оценивает поведение X-a отрицательно’.

Даже при гостях она его всячески унижает;

В ходе проверок и задержаний сотрудники милиции допускают высказывания, унижающие национальное достоинство чеченцев, азербайджанцев и других выходцев с Кавказа (Л. Вахнина и др., Дискриминация по ... этническому признаку в Москве и Московской области).

Унижать 2. *Y-a унижает 2 P* = ‘ситуация P наносит ущерб достоинству Y-a и доставляет ему неприятное чувство’.

Больше всего меня унижало ощущение полной беспомощности;

Я не желаю во время пения видеть ваши жующие физиономии... Поймите, что меня это унижает (Г. Вишневская, Галина. История жизни).

В дальнейшем индексы этих лексем во многих случаях будут опускаться.

1.2.1. УНИЖЕНИЕ ДОСТОИНСТВА: ДЕЙСТВИЯ ДРУГИХ ЛЮДЕЙ

Достоинство человека страдает, когда действия других людей демонстрируют беспомощность, бесправие этого человека, его жалкое и смешное положение, чье-либо превосходство над ним. На этот смысл способны указывать следующие слова и конструкции:

1. Глаголы *унижать 1* и *унижать 2*, см. приведенные выше примеры.
2. Дериват *унижение*.

Недопустимы психотерапевтические подходы, основанные на подавлении личности больного и унижении его достоинства (Основы социальной концепции Русской православной церкви);

В этом слогане действительно можно было усмотреть унижение национально-го достоинства белорусов.

3. Дериват унижительный.

Попавшие в изолятор первым делом подвергаются крайне унижительным сан-процедурам.

4. На этот смысл могут указывать и другие «травматические» глаголы: *заде-вать* (ранить ...) *достоинство*.

5. Наконец, этот смысл входит в понятия издевательства, представленного глаголом *издеваться* и его дериватами и синонимами. Эта лексика подробно описывается в п. 1.4.

Вся эта лексика в той или иной степени содержит в своей семантике интерпретационный компонент: конкретное действие или положение дел и н т е р п р е т и р у е т с я говорящим или самим объектом как наносящее ущерб достоинству объекта.

Унижать могут как речевые акты, так и неречевые действия. В случае речевого акта ущерб достоинству наносится указанием на н е п о л н о ц е н н о с т ь объекта в том или ином отношении. Ср. *Трудовик постоянно унижал учеников, называл бездарями, говорил, что они не поступят даже в ПТУ и всю жизнь будут цепляться за юбку.*

В случае неречевого действия субъект, скорее, демонстрирует н и ч т о ж н о е, бесправное, зависимое положение объекта, взгляд на него сверху вниз.

Не могу с ним жить, он всячески старается унижить меня, велит становиться на колени перед собой, хочет высесть меня (Л. Н. Толстой, Отрочество);

У меня стал патроном Черкас Толя. Тоже вор в законе. Но, с моей точки зрения, человек нехороший. Он унижал людей, часто бил ни за что (А. Константинов, Бандитский Петербург).

Унижение может быть и преднамеренным, ср. (а), и непреднамеренным, ср. (б).

(а) *Ах! этот человек всегда / Причиной мне ужасного расстройства! / Унижить рад, колынуть; завистлив, горд и зол! (А. С. Грибоедов, Горе от ума);*

(б) *Ты унижаешь меня своим состраданием (своей жалостью).*

Униженный человек испытывает болезненное ч у в с т в о, вызванное тем, что обстоятельства противоречат его сознанию собственной ценности и полноценности, естественному для всех людей; ср. *чувствовать себя униженным; X чувствует, что его достоинство задето.*

В отличие от таких прототипических эмоций как страх, стыд, радость и др., это «чувство униженности» обычно не предполагает никаких внешних проявлений; ср. меньшую характерность фраз типа *Он выглядел униженным; У нее был униженный вид* по сравнению с *Он выглядел испуганным (пристыженным); У тебя такой радостный вид!*

Поэтому затруднено употребление *унижения* в характерной для эмоций «симптоматической» конструкции вида *побелеть от страха, сгорать от стыда, плакать от обиды*.

Как было сказано выше, потеря или сохранение достоинства зависит прежде всего от самого субъекта, а не от других людей, ср. *Несмотря на то, что его всё время пытались унижить, он сумел сохранить чувство собственного достоинства*. Тем не менее, неприятное чувство, испытываемое объектом унижения, особенно интенсивно тогда, когда у унижения есть свидетели. Поэтому в ситуацию унижения может вводиться указание на аудиторию.

Начальник не стеснялся публично унижать тех, кто ему не угодил;

Он унизил меня перед моей семьей;

Думал о том, что, когда вырастет большой, никогда не станет унижать человека при посторонних только за то, что он несовершеннолетний, и не зарабатывает себе на хлеб, и не может за себя постоять (В. Токарева, Ни сыну, ни жене, ни брату).

В ситуации унижения перед объектом встает выбор: *сохранить* чувство собственного достоинства, *сохранить*, тем самым, сознание своей ценности и вести себя соответствующим образом, или *потерять, утратить* чувство собственного достоинства, *опуститься*, перестать сознавать свою ценность и перестать заботиться о том, чтобы вести себя достойным образом.

Я всегда болезненно чувствовала, что, имея обеспеченного отца, из милости живу на последние бабкины гроши. Меня, ребенка, это унижало, и я тем более старалась сохранить свое достоинство (Г. Вишневская, Галина. История жизни).

Выше речь шла преимущественно о действиях, интерпретируемых как унижение достоинства. Однако унижать могут не только действия других людей, но и ни от кого непосредственно не зависящая с и т у а ц и я, в которой человек вынужден принимать участие.

Прокофий был самолюбив. Он считал себя выше людей и гордился собой. Острог унизил его (Л. Н. Толстой, Фальшивый купон);

«Великий город с областной судьбой». Такое положение унижает, оскорбляет ленинградцев (Уппсальский корпус);

Она уже угадала инстинктом, что близость старого мужа несколько не унижает ее, а, наоборот, кладет на нее печать пикантной таинственности, которая так нравится мужчинам (А. П. Чехов, Анна на шее);

Я почувствовал, что я умру сейчас за столом, жалкий страх смерти унизил меня до того, что я простонал, оглянулся тревожно, ища помощи и защиты от смерти (М. Булгаков, Театральный роман);

С унижительной зависимостью от родительских подачек было покончено (Б. Акунин, Турецкий гамбит).

На этот смысл, кроме того, указывает сочетание *унизительное положение*; ср. *За обедом я вновь попал в унижительное положение <...>. Когда выяснилось, что я никогда не слышал о винтовке Бердана, Фандорин-сан посмотрел на меня очень странно. Он наверняка подумал, что в японской армии служат полные невежды* (Б. Акунин, Левиафан).

1.2.2. УНИЖЕНИЕ ДОСТОИНСТВА: СОВПАДЕНИЕ СУБЪЕКТА И ОБЪЕКТА

Об ущербе, наносимом достоинству, можно говорить и в отношении действий самого обладателя атрибута, когда он сам или говорящий оценивают эти действия как недостойные, неправильные, несовместимые с ценностью субъекта как личности или как обладателя определенной социальной роли. Для описания этого смысла могут использоваться следующие лексические средства (во многом пересекающиеся с описанными в предыдущем пункте).

1. Лексема *унижать 1*.

Как ты не понимаешь, что унижаешь себя <унижаешь свое достоинство> тем, что после каждой ссоры первый бежишь мириться?

Твоя эмиграция — не частное дело. <...> Ты вырвался, чтобы рассказать о нас и о своем прошлом. Все остальное мелко. Все остальное лишь унижает достоинство писателя (С. Довлатов, Ремесло);

Никто из мастеров не унижал себя участием в групповых играх вроде очка (В. Шаламов, Колымские рассказы).

2. Лексема *унижать 2*.

Как ты не понимаешь, что такое поведение тебя унижает <унижает твое достоинство>?

3. Глагол *унижаться* (подробнее он рассматривается в п. 1.2.3.).

Приходится унижаться перед чиновниками;

Как мог унизиться до прозы Венчанный Музою поэт (СПушк);

4. Сочетания *ронять <терять> достоинство*.

Необходимо умерять наш апломб — <...> правда, при этом никогда не терять достоинства (В. Аграновский, Вторая древнейшая. Беседы о журналистике).

Специфика сочетаний *ронять <терять> достоинство* состоит в том, что они, в отличие от глагола *унижать*, в отрицательном контексте могут указывать на

манеру поведения субъекта — в ситуации, располагающей к потере достоинства. Ср. *По возможности быстро, но и не теряя достоинства, я повернулся к нему лицом* (В. Попов, Очаровательное захолустье).

5. Дериват унижение.

— *Целуй руку, целуй руку!* — говорили около меня. Но я предпочел бы самую лютую казнь такому подлому унижению (А. С. Пушкин, Капитанская дочка).

6. Дериват унижительный.

Все уже было испробовано, все написано: и неистовые уверения в своей любви, такой, какой еще не бывало на земле, и унижительные мольбы о ее любви или хотя бы о «дружбе» (И. Бунин, Митина любовь);

Что унижительнее: нищенствовать или принять участие в сборнике, прославляющем строительство Беломорканала? (Н. Елисеев, Что не дозволено ученому. Просто напоминание).

7. Наконец, на этот смысл может указывать прилагательное *недостойный*.

Недостойное поведение; Это [бояться смерти] было недостойно мужчины, который много видел и пережил за сорок три года (Конецкий, МАС).

Как не соответствующее достоинству может интерпретироваться не только действие, но и с в о й с т в о субъекта; ср. *Выпускники элитных школ считают, что быть дворником унижительно*.

При этом недостойное поведение субъекта может нанести ущерб всей социальной группе в целом; ср. *Николаас был решительным противником проституции, видя в этом постыдном промысле не только рассадник преступности и болезней, но еще и оскорбление человеческого, прежде всего женского достоинства* (Б. Акунин, Алтын-Толобас).

1.2.3. ГЛАГОЛ УНИЖАТЬСЯ

Остановимся подробнее на деривате *унижаться*, близком к сочетаниям *унижать себя* и *унижать свое достоинство*, но в то же время обнаруживающем по сравнению с ними существенную специфику.

У глагола *унижаться* есть два четко противопоставленных круга употреблений. Один может быть проиллюстрирован фразой *Приходится унижаться перед чиновниками*, второй — фразой *Она нередко унижалась до примитивного подхалимажа*.

Рассмотрим эти два круга употреблений раздельно.

Первый круг употреблений

Ряд особенностей сближает *унижаться* в этом круге употреблений со словами *пресмыкаться*, *лебезить*, *заискивать*, *холопствовать*, *лакействовать* (лакейничать), *подхалимничать*, *низкопоклонничать*, *раболепствовать* и др., — обширной группой глаголов, описывающих поведение человека и указывающих на то,

что субъект демонстрирует собственное ничтожество и превосходство над собой другого человека. Заметим, что глагол *унижаться* оказывается ближе к предикатам по в е д е н и я, чем к интерпретационным глаголам.

Унижаться в первом круге употреблений отличается от *унижать себя* и *унижать свое достоинство* в следующих отношениях.

1. Ситуация *унижаться*, так же, как и ситуация, на которую указывают глаголы группы *пресмыкаться*, включает двух обязательных участников — субъекта и б е н е ф и ц и а н т а, во взаимодействии с которым первый демонстрирует свою малую ценность. И при *унижаться*, и при *пресмыкаться* и его синонимах вторая валентность заполняется предложно-именной группой *перед кем-л.* Ср. *Столько девчонок вокруг, а я унижался перед какой-то дурочкой* (В. Аксенов, Пора, мой друг, пора).

Про человека нельзя сказать, что он *унижается*, если он просто смешно выглядит, вне контакта с другими людьми. Поэтому невозможна подстановка этого глагола в следующий пример: *Этим болванам кажется, что, если абхазец сидит на муле, а не на лошади, он себя унижает* (Ф. Искандер, Сандро из Чегема).

2. Глагол *унижаться* содержит в своей семантике указание на цель, которую субъект преследует, желая добиться чего-л. для себя или для кого-л. из своей личной сферы; ср. характерность сочетаний *унижаться ради заработка* (*ради будущего детей*); *унижаться из-за денег*; *приходится унижаться*. Для глагола *унижать* такие сочетания гораздо менее характерны. Ср. странность [?]*унижать свое достоинство ради заработка*; [?]*унижать себя из-за денег*; [?]*приходится унижать себя*; [?]*приходится унижать свое достоинство*.

3. Как и *унижать*, действие *унижаться* о ц е н и в а е т с я отрицательно. Тем не менее, в случае *унижаться* отрицательная оценка менее интенсивна, чем в случае *унижать*. Причина этого — в том, что *унижаться* может употребляться в ситуациях, когда субъект в ы н у ж д е н идти на унижение ради достижения какой-либо цели, и такое поведение русская наивная этика не запрещает. Ср. следующую контрастную пару:

- (а) *Что поделаешь, чтобы чего-нибудь добиться, приходится унижаться;*
 (б) ^{??}*Что поделаешь, чтобы чего-нибудь добиться, приходится унижать себя*
 (**унижать свое достоинство*).

4. Бóльшая близость *унижаться* к *пресмыкаться* и его синонимам, чем к *унижать*, проявляется и в синтаксических свойствах рассматриваемого глагола.

При *унижаться* в рассматриваемом круге употреблений затруднено выражение конкретных действий субъекта. *Унижаться* не употребляется ни в конструкции с ТВОР, ни в характерных для интерпретационных глаголов⁷ конструкциях с

⁷ Интерпретационные глаголы подробно рассматриваются Ю. Д. Апресяном в главе 4 первой части настоящей книги.

ДЕЕПР и с придаточным с союзом *если*. Ср. *унижать себя чем-л.* VS. **унижаться чем-л.*; а также следующую контрастную пару примеров.

- (а) ^{??}*Как ты не понимаешь, что унижаешься, если так себя ведешь (ведя себя таким образом)?*
- (б) *Как ты не понимаешь, что унижаешь себя (унижаешь свое достоинство), если так себя ведешь (ведя себя таким образом)?*

Впрочем, указание на конкретные действия все же может вводиться в контекст глагола *унижаться*, в частности, с помощью сочинительной конструкции; ср.

Он унижался, обещал исправиться;

Пришлось унижаться и просить у американцев понтоны (В. Баранец, Генштаб без тайн).

Как свидетельствует приведенный материал, для описанного круга употреблений *унижаться* характерна форма НЕСОВ.

Второй круг употреблений

Приведем два примера.

Сама бабка до этого [есть курицу руками] не унижалась, что хорошо знал кот, норовивший получить косточку (А. Чудаков, Ложится мгла на старые ступени);

Никогда великий Гарсиа — «il gran Garsia» — не унижался до того, чтобы петь, как теперешние теноришки — tenoracci — фальцетом: всё грудью, грудью, voce di petto (И. С. Тургенев, Вешние воды).

Этот круг употреблений глагола *унижаться* гораздо ближе к *унижать себя* и *унижать свое достоинство*, чем первый; ср. *унизиться до попрошайничества* \approx *унизить себя попрошайничеством*. Он описывает ситуацию с о д н и м участником.

Основная особенность *унижаться* в этом круге употреблений — это включение в ситуацию с помощью предложно-именной группы *до чего-л.* указания на конкретное действие или чувство субъекта, интерпретируемое как не соответствующее достоинству субъекта.

И н т е р п р е т а ц и я, как и в случае *унижать*, может принадлежать как говорящему, так и с у б ъ е к т у. Фраза *Он не унижается до мелких подозрений* предполагает, что или говорящий, или сам субъект считает, что подозрения ниже его достоинства. В этом отношении с конструкцией *не унижаться до чего-л.* сближается конструкция *считать что-л. ниже своего достоинства*; ср. *Вступить с продащицей в дискуссию она сочла ниже своего достоинства и молча отсчитала 25 рублей.*

То, что глагол *унижаться* может предполагать интерпретацию со стороны субъекта, а не говорящего, выходит на первый план, когда эти две интерпретации не с о в п а д а ю т. Такая разница может специально фиксироваться интона-

ционно (с помощью интонации «цитирования») или, на письме, графически, с помощью кавычек. Ср. *Поэтическая традиция — его [Садовского] надежная крепость. Гордый ее неприступностью, он, кажется, глубоко презирает всё окружающее и не «унижается» до вылазок* (В. Ходасевич, О новых стихах). Ср. также *Она не унижается до объяснения в любви* (В. Смехов, Театр моей памяти).

Как видно из приведенных примеров, для *унижаться* в этом круге употреблений особенно характерны отрицательные, вопросительные и другие «н е р е а л ь н ы е» контексты.

Глагол *унижаться* отличается от *унижать себя* и *унижать свое достоинство* в двух отношениях. Во-первых, *унижаться* может сочетаться не только с названиями действий, но и некоторых ч у в с т в.

Она никогда не унижалась до жалости (ненависти);

Никогда не унижусь до примитивной ревности (зависти).

Покуда к Дунсиану / Бирнам не подошел, я не унижусь / До страха пред Малькольмом (У. Шекспир, Макбет, пер. Ю. Корнеева).

Во-вторых, для *унижаться* типичны контексты типа *Он не унижался до п р и м и т и в н о й зависти (ж а л к о й мести, г р у б о г о подхалимажа, о т к р о в е н н ы х подлостей)*. Таким образом для объекта интерпретации (названий действий или чувств, интерпретируемых как недостойные субъекта) характерна сочетаемость с определениями, указывающими на то, что данное недостойное действие или чувство выражено в своей о т к р ы т о й, безусловно отталкивающей форме.

Для данного круга употреблений типична форма СОВ, см. примеры выше.

Значительность и семантических, и синтаксических различий между двумя кругами употреблений *унижаться* (разные модели управления, характерность разных видовых форм и др.) может навести на мысль о том, что мы имеем дело с разными лексемами. Основным контраргументом является возможность совмещения этих двух моделей управления; ср. следующий приемлемый, на наш взгляд, пример: *Я никогда не унижался перед начальством до просьбы о прибавке жалованья.*

Оба круга употреблений можно объединить следующим толкованием:

Хунизился перед Y-ом до P = ‘человек X совершил действие P по отношению к Y-у; говорящий или X оценивает действие P отрицательно, поскольку считает, что оно наносит ущерб достоинству X-а’.

1.3. ПОНЯТИЕ ОСКОРБЛЕНИЯ

Перейдем от описания травмирования достоинства к нанесению ущерба чести и, шире, к семантике *оскорбления*. Это понятие представлено в первую

очередь глаголами *оскорблять*, *оскорбляться* и именами *оскорбление* и *оскорбительный*.

Глагол *оскорблять* имеет три значения. Первое можно проиллюстрировать примером *Нахал оскорбил его, он ответил пощечиной*, второе — примерами *Он оскорбил меня предложением денежной награды* и *Меня оскорбляет твоё отношение ко мне*, третье — примером *Меня оскорбляет вид этой развалюхи под окном*.

Первое значение описывает намеренное, «ритуализованное» оскорбление, второе и третье выводят на первый план неприятное чувство, испытываемое объектом, причем второе может указывать и на намеренное, и на ненамеренное действие, а третье предполагает воздействие на человека какой-то ситуации. При этом *оскорблять 2* касается сферы этики и этикета, а *оскорблять 3* — сферы эстетических представлений объекта.

Основу семантики двух первых значений глагола *оскорблять* составляет резкое противоречие о ж и д а н и я м объекта относительно того, как другие люди должны к нему относиться или вести себя при нем.

Рассмотрим три значения рассматриваемого глагола более подробно.

1.3.1. *ОСКОРБЛЯТЬ 1*: НАНЕСЕНИЕ УЩЕРБА ЧЕСТИ

Эта лексема указывает на высказывания или действия, намеренно направленные на то, чтобы задеть ч е с т ь адресата или объекта.

Этот человек оскорбил меня: он назвал меня подонком.

С глаголом *оскорблять* преимущественно в этом значении соотносится дериват *оскорбление*; ср. *Ростов принял шутку за оскорбление и вспыхнув наговорил офицеру таких неприятных вещей, что Денисов с трудом мог удержать обоих от дуэли* (Л. Н. Толстой, *Война и мир*).

Подобно *унижению*, *оскорбление*, с одной стороны, описывает некоторое д е й с т в и е (речевое или неречевое), с другой, предполагает неприятное ч у в с т в о, которое испытывает объект этого действия. Однако и диапазон интерпретируемых действий, и это чувство существенно различаются в случае унижения и оскорбления.

В случае речевого акта, оскорбление скорее предполагает обвинение в несоответствии м о р а л ь н ы м нормам, часто с использованием бранных слов (*мерзавец, трус, лжец, вор*), тогда как унижение — обвинение в н е п о л н о ц е н н о с т и (*урод, недоумок; Да на тебя ни один мужик не посмотрит*).

Если объект унижения испытывает глубокое и долговременное чувство, заставляющее его скорее замкнуться в себе, то оскорбление в прототипическом случае предполагает сильную эмоцию, требующую выхода наружу в виде ответных действий, м е с т и оскорбителю (ср. *отомстить за оскорбление* *(смыть оскорбление)*). Ср. также *Последнего оскорбления он не стерпел и ответил ударом в челюсть. Завязалась драка.*

Конкретная форма мести может определяться правилами чести. *Такое оскорбление смывается только кровью; По дуэльному статуту картель объявляется в течение суток после нанесения оскорбления, никак не позже* (Б. Акунин, Пелагия и белый бульдог)⁸.

Если в той или иной форме месть состоялась, человек *чувствует себя удовлетворенным*, если же этого не произошло, его чести наносится урон. Ответные действия в случае оскорбления оцениваются с позиций наивной этики как норма, их отсутствие получает отрицательную оценку: ср. *проглотить* ⟨*снести*, *стерпеть*, *проигнорировать*⟩ *оскорбление*. Ср. также

Он же тебя оскорбил! Неужели ты это так и оставишь?

— *Генерал, я обязан исполнить приказания, но не обязан переносить* ⟨...⟩ *оскорбления, — громко, звучно договорил Долохов* (Л. Н. Толстой, Война и мир);

Он такого оскорбления перенести не мог, тем более что был в форме и при оружии (В. Войнович, Монументальная пропаганда).

В этом отношении семантика оскорбления существенно отличается от достаточно близкой семантики обиды: с точки зрения наивной этики, плохо, когда обиду *затаивают*, и хорошо (или, по крайней мере, не плохо), когда её *прощают* ⟨*забывают*⟩. Заметим, что само сочетание *простить оскорбление* по меньшей мере сомнительно.

Важность компонента ‘необходимость ответной реакции’ для семантики оскорбления находит отражение в целом ряде фактов. Рассмотрим некоторые из них.

1. В современном языке отражается представление о том, что ответом на оскорбление может быть обращение в суд. В особенности это характерно для деривата *оскорбление*. Смысл подсудности оскорбления выходит на первый план в стилистически окрашенном сочетании *оскорбление личности* (при сомнительном [?]*оскорблять личность*). В корпусе текстов это сочетание почти всегда появляется в контексте сочетания *подавать в суд*. Ср. *Я завтра же подам на вас всех в суд за вмешательство в мою частную жизнь, оскорбление личности и побои!* (М. Милованов, Рынок тщеславия).

2. С тем, что *оскорбление* указывает на моральный ущерб, требующий ответной реакции, связана способность этого слова употребляться в сочетании с частицей *уже*; ср. *Это уже оскорбление!*; *Это уже не простая обида, а оскорбление! Вы за это ответите!* В таких контекстах содержится указание на то, что преступлена объективная грань, отделяющая «простой» моральный ущерб от ситуации оскорбления, со всеми вытекающими последствиями.

⁸ Интересно, что согласно кодексу чести оскорбление может считаться смытым и в том случае, если ранен или искалечен сам оскорбленный, а не оскорбитель. Ср. замечание Ю. М. Лотмана: «...честь восстанавливается не нанесением ущерба оскорбителю или мести ему, а фактом пролития крови, в том числе и своей собственной» [Лотман 1995: 530].

3. В чувстве оскорбленности, именно по той причине, что оно должно найти выход в мести, можно находить удовольствие, к нему можно даже *стремиться*. Поэтому можно *нарываться на оскорбление*. Ср. также следующий пример: «Сначала убью ее и любовника, а потом себя». {...} *С злорадством оскорбленного человека он воображал себе ужас родни и публики, агонию изменницы и мысленно уже читал передовые статьи, трактующие о разложении семейных основ* (А. П. Чехов, Мститель).

4. На наш взгляд, именно указание на предполагаемую ответную реакцию определяет одну интересную словообразовательную особенность глагола *оскорблять*. От этого глагола образуется дериват *оскорбитель* со значением субъекта действия (этот дериват стилистически окрашен как устаревший или, по крайней мере, уходящий). Ср. *Джураев убил главного оскорбителя, но остался не удовлетворен* (Б. Акунин, Пелагия и белый бульдог). В этом отношении *оскорбление* сближается с *обидой* (ср. характерность контекстов типа *поквитаться с обидчиком, отомстить оскорбителю*) и противопоставляется большинству других слов, указывающих на нанесение морального ущерба (*унижать, издеваться, раздражать, возмущать, сердить* и др.).

Во многих контекстах оскорбление выступает как вещь о б ъ е к т и в н а я. Так, некоторые высказывания (*Трус! Негодяй!*) и действия (например, пощечина; см. описание этого слова в соответствующей словарной статье И. Б. Левонтиной в [НОСС 2004]) с ч и т а ю т с я в данном обществе оскорблением. Особенно характерен такой режим употреблений для существительного *оскорбление*, в частности, в составе сочетания *наносить оскорбление* — фразеологического синонима глагола *оскорблять*.

— *Унтер-офицер Пришибеев! Вы обвиняетесь в том, что 3-го сего сентября оскорбили словами и действием урядника Жигина, волостного старшину Алянова, сотского Ефимова, понятых Иванова и Гаврилова и еще шестерых крестьян, причем первым трем было нанесено вами оскорбление при исполнении ими служебных обязанностей* (А. П. Чехов, Унтер Пришибеев);

Если до этого в вашей семейной жизни не было «экстрима» в виде пощечин и оскорблений, то, вероятнее всего, у вашего мужа из-за проблем на работе случилось аффективное состояние (Комсомольская правда, 17–24 янв. 2005);

Выбирай: двадцать рублей за химчистку и окраску всего костюма или подаю в суд за оскорбление действием (В. Шукшин, Ноль-ноль целых);

*Да, вам будет очень трудно. На вас обрушится поток оскорблений, никто не захочет давать показания в пользу «чудовища»*⁹. (Б. Акунин, Смерть Ахиллеса)

Заметим, что дериват *оскорбление* в этом круге употреблений способен описывать «заглазное» оскорбление, т. е. несовпадение объекта и адресата речевого

⁹ Вообще, дериват *оскорбление* как правило указывает на речевой акт. Заметим, что слово *поток* (и в ЕД, и во МН) в количественном значении сочетается именно с названиями

акта, что нехарактерно для глагола *оскорблять*. Ср. *Материал содержит прямые призывы к гражданской войне, <...> к физической расправе над нынешним руководством страны, а также оскорбления в адрес Президента России* (А. Яковлев, Омут памяти).

Объективность оскорбления отличает семантику *оскорбления* от семантики *обида*. Так, можно *принять шутку за оскорбление*, но не **принять шутку за обиду*. Ср. также невозможность замены *оскорбления* на *обиду* в следующем примере:

Телианов позднее всех понял, что его сестре нанесено оскорбление, и тем самым выставил себя то ли дураком, то ли трусом (Б. Акунин, Пелагия и белый бульдог).

В связи со сказанным уместно привести цитату о разнице между обидой и оскорблением из статьи Анны Зализняк. «Оскорбление возникает тогда, когда задета наша честь, обида — когда задето чувство. <...> В оскорблении участвуют социальные факторы, в обиде — индивидуальные; множество оскорбительных высказываний является частью культурного текста данного социума, между тем множество обидных высказываний нельзя исчислить» [Зализняк Анна 2000: 109].

С другой стороны, оскорбление может быть вещью субъективной: слова *оскорблять* и *оскорбление* могут использоваться для интерпретации каких-то действий как намеренно направленных на то, чтобы задеть честь объекта.

На этот смысл указывает целый ряд выражений: *счесть что-л. оскорблением; счесть себя оскорбленным; увидеть в чем-л. оскорбление; воспринять что-л. как (личное) оскорбление*. На этот же смысл указывает и сочетание *оскорбительный смысл (его слов <ее улыбки, этого жеста>)*. Ср. также

Ваши слова следует понимать как оскорбление?;

В его подчеркнутой вежливости было что-то оскорбительное;

Жена, вся в слезах, жалуется вернувшемуся с работы мужу: «Сегодня твоя мать прислала тебе письмо, в котором жестоко оскорбляет меня». Муж читает письмо и не находит там ничего оскорбительного. — А ты посмотри на приписку к письму, — говорит жена. — Видишь, что там написано: «Дорогая Алиса, не забудь передать это письмо Джорджу» (пример из книги [Санников 2002]);

Товарищ Кошкин танцевал вокруг товарища Машкина. Товарищ Машкин следил за товарищем Кошкиным. Товарищ Кошкин оскорбительно махал руками и про-

речевых актов: ср. *поток брани; потоки ругани (поношений, попреков, проклятий, хулы)* при невозможном **потоки ударов (пинков)*. Иначе себя ведет близкий квантификатор *град*, для которого более характерна сочетаемость с названиями неречевых квантованных «травмирующих» действий: ср. более характерное *На него градом посыпались удары (пинки)* по сравнению с гораздо менее характерным *На него градом посыпалась ругательства (поношения, попреки, проклятия)*. Употребление в последней конструкции слова *оскорбление* также нетипично.

тивно выворачивал ноги. Товарищ Машкин нахмурился (Д. Хармс, Машкин убил Кошкина).

С оскорблением могут быть связаны своеобразные коммуникативные неудачи двух типов.

С одной стороны, можно воспринять как оскорбление слова или действия, которыми субъект не хотел никого оскорблять.

В его пожелании поскорее поправиться она почему-то увидела оскорбление;

[Жандарм] наклонился к Самгину, тихо говоря: — Я предлагаю вам быть моим осведомителем. (...) Вы меня оскорбляете, — сказал Клим очень спокойно. — В шпионы я не пойду (М. Горький, Жизнь Клим Самгина).

С другой стороны, возможна и обратная картина, когда то, что является оскорблением с точки зрения субъекта, не оказывается таковым для адресата.

— Да вы просто... Вы просто — слуга престола! — процедила Варя худшее из оскорблений, а когда Фандорин не содрогнулся, пояснила на доступном ему языке. — Верноподданный раб без ума и совести! (Б. Акунин, Турецкий гамбит);

Первоначально он отнесся ко мне неприязненно и даже оскорблял меня, то есть думал, что оскорбляет, называя меня собакой, — тут арестант усмехнулся, — я лично не вижу ничего дурного в этом звере (М. Булгаков, Мастер и Маргарита).

Приведем также следующий пример, демонстрирующий еще более сложную ситуацию.

Во время обеда Тильди, подавая знакомым посетителям, объявляла каждому из них со скромностью человека, достоинства которого не нуждаются в преувеличении: «Один джентльмен оскорбил меня сегодня в ресторане. Он обнял меня за талию и поцеловал». Обедающие принимали эту новость по-разному — одни выражали недоверие; другие поздравляли её (О. Генри, Недолгий триумф Тильди, пер. под ред. М. Лорие).

Заклучим сказанное о лексеме *оскорблять 1*, предложив следующее толкование.

X оскорбляет 1 Y-a = 'X совершает по отношению к человеку Y действие P, цель которого — нанести ущерб чести Y-а; говорящий оценивает действие P отрицательно'.

1.3.2. ОСКОРБЛЯТЬ 2: КАУЗАЦИЯ НЕПРИЯТНОГО ЧУВСТВА

Для *оскорблять 2* особенно характерна диатеза *Y-a оскорбляет P*, в которой субъект выводится за кадр (в терминологии Е. В. Падучевой¹⁰) и, соответственно, на первый план выступает объект вместе со своей эмоцией. Ср. *Меня оскорбил его покровительственный тон; Меня оскорбило, что он говорил со мной каким-то по-*

¹⁰ См., например, [Падучева 2004].

кровительственным тоном. В то же время, возможно употребление и прямой диатезы *X оскорбляет Y-а P*; ср. *Ты оскорбляешь меня своим недоверием; Он оскорбил меня своим покровительственным тоном*. В случае использования прямой диатезы, как правило, заполнена валентность содержания.

Глагол *оскорблять 2* предполагает каузацию крайне интенсивной отрицательной эмоции, ощущение объекта, что ему нанесен моральный ущерб. При этом оскорблять может, во-первых, грубое нарушение правил уважительности и деликатности по отношению к объекту и, во-вторых, неприличное поведение в присутствии объекта¹¹.

Отличие от рассмотренной выше лексемы, *оскорблять 2* часто указывает на ненамеренное нанесение морального ущерба.

Приведем ряд примеров.

Меня оскорбляет, что вы позволяете себе называть меня «бабусей»;

В исступление окончательное привела меня запись в его режиссерской книге: «Здесь будет дуэль». (...) Я чувствовал себя оскорбленным. — Небось у Островского не вписывал бы дуэлей, — ворчал я (М. Булгаков, Театральный роман);

В похвалах по поводу «Миллона терзаний» он видел что-то оскорбительное для себя, какой-то совет ему, который возникал только в его же душе, а именно — оставьте, мол, творчество, возьмитесь-ка лучше за критику! (М. М. Стасюлевич, И. А. Гончаров);

Меня просто оскорбляет ваша, простите, похабно-спортивная нагота (В. Набоков, Дар);

Я счел необходимым во втором издании выкинуть из главы «Серп и Молот — Карачарово» всю бывшую там матрицу. Так будет лучше, потому что, во-первых, меня станут читать подряд, а во-вторых, не будут оскорблены (Вен. Ерофеев, Москва — Петушки).

Если унижают ситуации, в которых на человека смотрят сверху вниз, то *оскорбляют*, прежде всего, проявления неуважения, неделикатности или бестактности, а также ситуации, в которых оказывается, что о человеке думают хуже, чем он ожидает.

Приведем две пары контрастных примеров.

Меня унижало, что он, зная, что я сижу без работы, только и говорил, что о своей зарплате [демонстрация неполноценности объекта];

Меня оскорбило, что он первым делом заговорил о деньгах [бестактность];

¹¹ Уважительность, деликатность и другие близкие к ним понятия подробно рассматриваются в третьей части настоящей коллективной монографии. Автор благодарен автору этой части — Т. В. Крыловой — за ценные замечания относительно семантики глагола *оскорблять*.

Меня унижает твое сострадание [демонстрация неполноценности, беспомощности];

Меня оскорбляет твое недоверие [противоречие ожиданию хорошего отношения к себе].

Оскорбиться 2 обычно не употребляется для описания намеренного нанесения объекту морального и, тем более, физического ущерба. Ср. также нормальную фразу *Меня оскорбило, что он даже не поздоровался* и аномальность **Меня оскорбило, что он вlepил мне пощечину* (назвал меня подонком).

Объектом *оскорблять 2* может быть не только отдельный человек, но и целое общество.

Любопытен был для меня и тот взрыв всеобщей ненависти, с которою все у нас накинудись тогда на «буяна и столичного бретера». Непременно хотели видеть наглый умысел и рассчитанное намерение разом оскорбить все общество (Ф. М. Достоевский, Бесы);

У нас до сих пор никогда еще не бывало амазонок; естественно, что появление Лизаветы Николаевны, прогуливавшейся верхом и еще не сделавшей визитов, должно было оскорблять общество (Ф. М. Достоевский, Бесы).

В контекст глагола *оскорблять* может вводиться указание на конкретную сферу, в которой нечто противоречит представлениям субъекта; ср. *оскорблять чьи-л. религиозные* (эстетические и пр.) чувства.

Колокола сбрасывали под тем предлогом, что они мешают слушать радио и оскорбляют религиозные чувства нехристиан (В. Цыпин, История русской церкви);

[В современных СМИ] интимные отношения мужчины и женщины — обнажаются и выставляются напоказ, оскорбляя естественное чувство стыдливости (Основы социальной концепции Русской православной церкви);

Брест-Литовский мир, оскорбивший национальные чувства русских, ускорил превращение Российской земли в поприще жестокой братоубийственной брани (В. Цыпин, История русской церкви).

Приведем также следующий не вполне стандартный с точки зрения современного языка пример:

Базарову не нравилась эта размеренная, несколько торжественная правильность ежедневной жизни; «как по рельсам катишься», — уверял он: ливрейные лакеи, чинные дворецкие оскорбляли его демократическое чувство (И. С. Тургенев, Отцы и дети).

Наконец, *оскорблять 2* употребляется в контекстах типа *оскорблять кого-л. в лучших* (самых святых) чувствах, предполагающих, что нечто противоречит ожиданиям объекта, что все будут проявлять уважение к чувствам, которые им движут.

Варя сочла это замечание непозволительно грубым и вжала голову в плечи: сейчас оскорбленный в лучших чувствах Мизинов ка-ак разобидится, ка-ак закричит! (Б. Акунин, Турецкий гамбит);

В его голосе слышались металлические нотки человека, оскорбленного в самых святых своих чувствах (И. Ильф, Е. Петров, Двенадцать стульев);

Пойду искать по свету, Где оскорбленному есть чувству уголок (А. С. Грибоедов, Горе от ума).

Неприятное чувство, испытываемое объектом *оскорблять*, *максимально* и *интенсивно*. Поэтому нельзя быть **немного* *(несколько)* *оскорбленным*.

Для *оскорблять* 2 характерна сочетаемость со словами, указывающими на большую интенсивность неприятного чувства — *интенсификаторами* и *до глубины души, глубоко, крайне, больно* и др.

Татьяну до глубины души оскорбило его предложение «видеться хотя бы изредка»;

В бешенстве от наглого, бесстыдного цинизма самых последних её слов, — цинизма, на который способна лишь женщина, я выбежал глубоко оскорбленный (Ф. М. Достоевский, Подросток);

[Володя], избегая всякого выражения чувства, впадал в другую крайность — холодности, часто больно оскорблявшую людей, не понимавших причин ее (Л. Н. Толстой, Юность).

Противоречие правилам и причинение неприятного чувства, содержащееся в семантике оскорбления, сближает её с семантикой обиды. В особенности это касается деривата *оскорбительный* (ср., по МАС'у, *обидный* — ‘содержащий в себе обиду, причиняющий обиду; оскорбительный’). В некоторых контекстах *оскорблять* 2 и дериват *оскорбительный* отличается от *обиды* только максимальной интенсивностью эмоции. Ср. *Недоверие матери оскорбляло (обиждало) сына; В объявлениях о приеме на работу пишут «мойщик посуды», потому что «посудомойка» звучит как-то обидно (оскорбительно); Не простила [она ему] того, чего не может простить ни одна женщина: нелюбви. Хуже — холодного, оскорбительно-го равнодушия* (Б. Акунин, Пелагия и белый бульдог).

Характерными *внешними проявлениями* оскорбленности является специфический *оскорбленный вид* (выражение особенной неприступности и отстраненности) и *оскорбленный голос*. Ср. также

На лице у нее было написано (По её лицу я понял), что она оскорблена до последней степени;

Подлость какая! — воскликнул Помада опять таким оскорбленным голосом, что доктор счел нужным скорее переменить разговор (Н. С. Лесков, Некуда).

На внешние проявления оскорбленности также указывает дериват *оскорбиться*.

Кроме мисс Ригли, здесь только одна женщина — я. — А Татьяна Зотовна тебе не женщина? — оскорбился Петр Георгиевич за честь своей Дульсинеи (Б. Акунин, Пелагия и белый бульдог).

При этом выражение неприятных чувств, на которые указывает этот глагол, вполне могут быть п р и т в о р н ы м и; ср. *Он решил (счел за нужное) оскорбиться*. Ср. также бóльшую естественность контекстов вида *По-моему, она оскорбилась скорее для виду* по сравнению с *Она оскорбилась, но виду не подала*. По этой причине *оскорбиться* в современном языке может сопровождаться отрицательной оценкой со стороны говорящего.

Наконец, на внешние проявления неприятного чувства указывает и уходящая фразема *вид оскорбленного достоинства*; ср. — *Извините, господа, — проговорил он [гость], — я... того... (тут он щелкнул по воротнику) получил! Генеральша немедленно приняла вид оскорбленного достоинства. (...). Видя это, повеселела и генеральша, хотя все еще выражение оскорбленного достоинства сохранялось в лице ее (Ф. М. Достоевский, Село Степанчиково и его обитатели)*. Слово *достоинство* в подобных контекстах в значительной степени десемантизируется.

В языке XVIII—XIX вв. слово *оскорбиться* обладало способностью употребляться как возвратная форма от *оскорбить*, без каких бы то ни было смысловых модификаций.

Сам Великий Князь Георгий оскорбился сим криводушием и выступил с войском к северным пределам Черниговским (Н. М. Карамзин, История государства Российского);

Я угворила Мозглякова почти теми же словами, как и ее [Зину]. Она горда и, может быть, оскорбилась (Достоевский, МАС).

С лексемой *оскорблять 2* сближается глагол *шокировать* — по МАС'у, 'ставить в неловкое положение, вызывать неприятное чувство несоблюдением общепринятых норм приличия'.

А почему вы говорите «ты»? Мне и моему другу. Это нас шокирует (А. Вампилов, Старший сын);

[Елена Дмитриевна] метнула на мужа злой взгляд; ее шокировало небрежное его отношение к гостям (Гладков, МАС).

Глагол *шокировать*, в отличие от *оскорблять*, способен употребляться в ослабленном значении, описывая крайнюю степень и з у м л е н и я, чаще неприятного, никак не связанного с нарушением приличий. Ср. *Цены его совершенно шокировали; Боюсь, ответ на этот вопрос может вас шокировать*. Употребление в этих контекстах *оскорблять* было бы неуместно.

В отличие от *оскорблять 1*, лексема *оскорблять 2* в большинстве контекстов не может соотноситься с существительным *оскорбление*; ср. неправомерность **Его повелительный тон наносит мне оскорбление*; ^{??}*Его повелительный тон я воспринял*

как оскорбление. Также невозможно использование в соответствующем значении деривата *оскорбитель*.

Подытожим сказанное о лексеме *оскорблять 2*, предложив её толкование.

У-а оскорбляет 2 Р = 'У испытывает очень неприятное чувство, вызванное тем, что действие или ситуация Р противоречит представлениям У-а о приличиях или общепринятым правилам приличий и свидетельствует, по мнению У-а, о том, что к У-у относятся плохо'.

1.3.3. ОСКОРБЛЯТЬ 3: ПРОТИВОРЕЧИЕ ЭСТЕТИЧЕСКИМ ВКУСАМ

Позволим себе начать описание этой лексемы с ее толкования.

У-а оскорбляет 3 Р = 'У испытывает очень неприятное чувство, вызванное тем, что Р задевает эстетическое чувство или вкус У-а'.

Приведем типичный пример.

В этой квартире всё её раздражало. Оскорбляли даже «пошлые фикусы» и «мещанский пуфик».

В языке XIX в. такие употребления также вполне обычны.

Всякий сколько-нибудь неприятный запах уже оскорблял его (Н. В. Гоголь, Мертвые души);

Тонкий звук голоса Сперанского неприятно поражал его, и неумолкавший смех своею фальшивою нотой почему-то оскорблял чувство князя Андрея (Л. Н. Толстой, Война и мир).

Если *оскорблять 2* сближается с глаголами *обижать* и *шокировать*, то ближайшими аналогами глагола *оскорблять 3* являются глаголы *раздражать*, *бесить*, *нервировать* и др.

Глагол *оскорблять* в рассматриваемом значении употребляется только в форме НЕСОВ; ср. неправильность **Её оскорбили «пошлые фикусы» и «мещанский пуфик»*. Он не соотносится с дериватами *оскорбление* и *оскорбиться*. Ср. крайнюю прагматическую странность *Что это за фикусы?! Это же просто оскорбление!* и сомнительность *Увидев фикусы и клетку с канарейкой, она оскорбилась*.

1.4. ПОНЯТИЕ ИЗДЕВАТЕЛЬСТВА

Вернемся от понятия оскорбления к травмированию достоинства личности и перейдем к описанию достаточно близкого к унижению, но обладающего по сравнению с ним существенной смысловой спецификой понятия издевательства.

Как было сказано выше, ущерб достоинству наносят, в частности, ситуации, когда человек оказывается в с м е ш н о м положении. Причина этого кроется в чувстве превосходства, которое человек испытывает по отношению к высмеиваемому

и связана с самой природой комического. Приведем в этой связи цитату из книги [Санников 2002: 21]:

Казалось бы, сталкиваясь в комическом с чем-то уродливым или, по меньшей мере, не совсем нормальным, мы должны испытывать отвращение или, по меньшей мере, неприязнь. В действительности же это, наоборот, радует и забавляет нас. (...) Уродливые явления вызывают у субъекта, свободного (хотя бы в данный момент) от этого недостатка, ощущение силы, превосходства над кем-либо, довольства собой. Слыша шутку приматонна, мы смеемся над конкретным высмеиваемым лицом или же (если это — абстрактная шутка, не имеющая конкретного объекта) над воображаемыми тучными невицами, испытываем «фарисейское довольство собой», — во-первых, оттого, что мы лишены этого физического недостатка, и, во-вторых, от сознания исправности своего интеллекта, позволяющего понять шутку, проникнуть в её механизм.

Кроме глагола *издеваться* и близких к нему *измываться* и *глумиться* на моральный ущерб, наносимый объекту, в той или иной степени указывают и другие слова, семантика которых связана со смехом. Перечислим их, сгруппировав в синонимические ряды.

- а) *смеяться* 2 (над кем-чем-л.), *насмехаться*, уходящ. *потешаться*, устар. *шутить* 2 (над кем-чем-л.), устар. *насмешничать*;
- б) *подшучивать*, *подтрунивать*;
- в) *высмеивать*, *осмеивать*, *вышучивать*, *засмеять*;
- г) необиходн. *посмеяться* 2 (над кем-чем-л.), устар. *насмеяться* 2 (над кем-чем-л.)¹².

Ниже мы подробнее остановимся на описании глагола *издеваться* и его синонимов. Предварим это описание краткой характеристикой смыслов, носящих для всей этой группы системный характер и организующих регулярные смысловые оппозиции между синонимическими рядами, между членами одного синонимического ряда и между разными лексемами одного слова. Кроме указанной выше лексики, для характеристики этих системных смыслов будут привлекаться и некоторые другие лексемы.

1.4.1. СИСТЕМНЫЕ СМЫСЛЫ

Цель субъекта

Прежде всего, цель субъекта действия может состоять в том, чтобы выразить свое о т н о ш е н и е к объекту и представить объект с м е ш н ы м. На это указывает следующая лексика: *смеяться* (над кем-чем-л.), *насмехаться*, *потешаться*, *шутить* (над кем-чем-л.), *насмешничать*; *высмеивать*, *осмеивать*, *вышучивать* и *засмеять*.

¹² В дальнейшем изложении материала индексы лексем будут опущены — кроме случаев обсуждения полисемии.

Кроме того, целью действия может быть не просто представить объект смешным, но дискредитировать его в глазах других людей, сформировать к нему негативное отношение общества. На это указывает глагол *осмеять*. Ср. *Святые идеалы поруганы и осмеяны; Романы Ильфа и Петрова как мало какое иное современное им произведение выполнили задачу разрыва с традицией (...), осмеяв разные типы «бывших» и развенчав (...) фигуру «русского интеллигента»* (М. Чулакова, Заметки о поколениях в советской России).

Объект действия

Для того, чтобы проиллюстрировать важность этого смысла для рассматриваемой лексики, посмотрим на синонимический ряд *высмеивать*, *осмеивать*, *вышучивать*, *засмеять*.

Наиболее широкий круг объектов допустим при глаголах *высмеивать* и *осмеивать*. Их объектом может быть человек, отдельное свойство человека, социальный институт, информационный объект, общественное явление и т. п. Ср. *высмеивать* *⟨осмеивать⟩ чиновников* *⟨человеческие пороки, провинциальные порядки, феминистские движения, слезливые мелодрамы⟩*.

Осмеивать, кроме того, можно идеалы, принципы, истины, веру и т. п. Ср. *Лучшие годы жизни протекли, как в аду, надежды на счастье разбиты и осмеяны, здоровья нет* (А. П. Чехов, Супруга); *Судьба всякой истины — сначала быть осмеянной, а уж потом признанной* (Интернет). Для остальных синонимов этого ряда такие употребления нехарактерны.

Объектом *вышучивать* обычно является человек или его свойство. Ср. *Он всегда с излишней серьезностью относился к начальству. (...) Я часто вышучивал его за это* (Ф. Искандер, Сандро из Чегема). Сочетаемость с более широким кругом объектов для современного языка нетипична, ср. нестандартность *В Петербурге есть особая порода людей, которые специально занимаются тем, что вышучивают каждое явление жизни* (Чехов, БАС).

Наконец, объектом действия *засмеять* может быть только человек; ср. неправомерность **засмеять человеческие пороки* *⟨его скупость⟩*; ^{??}*Судьба всякой истины — сначала быть засмеянной*.

Высшие силы в качестве субъекта действия

Глагол *посмеяться* и необходимое слово *насмеяться* могут описывать ситуации, в которых субъектом действия является не человек, а высшие силы — судьба, природа, рок и т. п., а объект — человек — предстает игрушкой в их руках. Ср. *Еще горше посмеялась над ними судьба, еще худшими пешками они стали* (А. Солженицын, Архипелаг ГУЛАГ); *Судьба жестоко насмеялась над ним: всю жизнь он презирал бедность, а сам умер в нищете*.

Приведем также следующий пример на прилагательное *насмешливый*: *Судьба играет человеком, Она насмешлива всегда: То вознесет его высоко, То кинет в бездну без стыда* (Песня «Шумел, горел пожар московский»).

Высшие силы также могут быть субъектом действия *подиутить*. Ср. *Подиутила природа, не дала нам, евреям, поэтических физиономий!* (А. П. Чехов, Безотцовщина); *Чем ближе к концу подходил рассказ шефа, тем большей завистью загорался взгляд Эраста Петровича. (...) Перестрелка! Адская машина! Судьба зло подиутила над Фандориным, поманила его славой и увела с магистрального тракта на жалкий проселок* (Б. Акунин, Азазель).

Указание на речевой акт или на неречевое действие

Рассмотрим синонимический ряд *издеваться, изыматься, глумиться*. Доминанта этого ряда может указывать и на речевой акт, и на неречевое действие с одинаковой свободой; ср. — *Ой, бедненький!*, — *издевались надо мной рабочие* [речевой акт]; *Как не стыдно издеваться над животным!* [неречевое действие]. Для глагола *изыматься* более характерно указание на неречевое действие; ср. *Уголовники всячески изымались над «политическими», избивали их, отбирали их пайки*. Глагол *глумиться*, напротив, чаще указывает на речевой акт; ср. *Он глумился над моими рассуждениями о гражданских свободах*.

По рассматриваемому признаку также различаются дериваты *издевка* и *издевательство*: первый всегда описывает речевой акт, тогда как для *издевательства* это совершенно необязательно.

Синонимы ряда *смеяться 2, насмехаться, потешаться, шутить 2, насмешничать*, а также ряда *высмеивать, осмеивать, вышучивать, засмеять*, в отличие от *издеваться* и его синонимов, всегда указывают на речевой акт.

Наконец, данный признак противопоставляет два круга употреблений глагола *подшучивать*. Первый, в котором этот глагол синонимизируется с *подтрунивать*, указывает на речевой акт; ср. *Жена вечно надо мной подшучивает за мою страсть к футболу*. Второй, реализующийся почти исключительно в форме СОВ, указывает на неречевое действие; ср. *Мы решили подиутить над спящим соседом и потихоньку вытащили его чемодан*.

Несерьезность слов или действий субъекта

В структуре полисемии глаголов *смеяться* и *шутить* на основании этого смысла выделяются отдельные лексемы *смеяться 3* и *шутить 3*. Они синонимичны и имеют значение ‘говорить несерьезно’. Ср. [Клементьев:] *Я приехал, чтобы опять поговорить с вами*. [Надя:] *Да вы смеетесь!* (Чернышевский, МАС); *Козлов опешил: «Что она — смеется? Или всерьез?»* (Яшин, МАС); [Глафира:] *В монастырь собираюсь на днях*. [Лыняев:] *Нет, вы шутите?* [Глафира:] *Не шучу. Прощайте!* (А. Островский, МАС).

Лексема *шутить 3*, кроме того, может указывать и на неречевые действия субъекта; ср. [Василий] *весь вечер шутиливо ухаживал за ней. Это не накладывало на него никаких обязательств, девчонка была еще слишком молода, все понимали, что он шутит* (Николаева, МАС).

В синонимическом ряду *издеваться, изыматься, глумиться* способность указывать на смысл ‘несерьезно’ — один из основных смысловых признаков, по ко-

торым доминанта ряда противопоставляется двум другим синонимам. Глагол *издеваться*, в несколько ослабленном значении, способен сближаться с лексемами *смеяться* и *шутить*, указывая на смысл 'говорить несерьезно'. Таким образом, издевательство может быть з а в у а л р о в а н н ы м, когда возможно сомнение в том, серьезен субъект или иронизирует; ср. *Ты это серьезно или издеваешься?*; *По-моему, он над тобой просто издевается*.

Для значения остальных лексем из рассматриваемой группы смысл 'несерьезно' менее характерен. Ср., тем не менее, следующие примеры, где он выходит на поверхность в значении членов синонимического ряда *подшучивать*, *подтрунивать*: — *Значит, могу быть абхазским зятем? — спросил Баграт, подшучивая над Хабугом, но тот этого не заметил* (Ф. Искандер, Сандро из Чегема); *Ему показалось, что батарейный командир уже проник его тайну и подтрунивает над ним* (Л. Н. Толстой, Севастополь в августе 1855 года).

Интенсивность действия; степень ущерба, наносимого объекту; оценка действия со стороны говорящего

По этим трем тесно связанным признакам рассматриваемые ряды синонимов выстраиваются в шкалу.

Глаголы *подшучивать* и *подтрунивать*, в соответствии с семантикой приставки *под-*, указывают на небольшую интенсивность действия. Они предполагают, что субъект, считая объект смешным, испытывает к нему добрые чувства, и его слова характеризуются мягкой, дружеской манерой речи. Ср. *Оба, игриво и добродушно подшучивая друг над другом, полезли в воду* (В. Белов, За дальним меридианом); *Грегуар младший привык считать себя вполне зависимым от одной матери, а отца считал не более как за милого гостя и даже слегка над ним подтрунивал* (Н. С. Лесков, На ножах).

Соответственно, минимальна и интенсивность неприятного чувства, которое может испытывать объект подшучивания и подтрунивания: человек, над которым *подшучивают* или *подтрунивают*, может немного обидеться или почувствовать себя задетым. Эти глаголы нейтральны по признаку оценки со стороны говорящего.

Большую интенсивность действия и большой моральный ущерб предполагают *высмеивать* и его синонимы, а также *смеяться* и его синонимы. *Высмеивать* и его синонимы также не предполагают никакой оценки со стороны говорящего: эти слова описывают желание субъекта представить объект смешным в глазах других людей, однако цели, которые субъект преследует, могут быть самыми разными — вплоть до исправления недостатков объекта. Все другие глаголы из рассматриваемой группы передают отрицательную оценку со стороны говорящего.

Смех особенно чувствителен тогда, когда смеется не один человек, а целая группа, все окружение того, кто этот смех вызывает. На это указывает глагол *засмеять*, а также существительное *посмешище*. Для глагол *засмеять* очень характерны перспективные употребления, в которых субъект не делает чего-либо из боязни быть засмеянным. Ср. *Кочегар лег на койку и всё не мог уснуть. Всё думал: сказать, не*

сказать? А вдруг засмеют? (Б. Житков, Механик Салерно). Смех целой группы людей, описываемый словом *засмеять*, настолько страшен для субъекта, что ради того, чтобы избежать этого смеха, он может отказаться от доброго поступка или даже пойти на дурной поступок. Ср. *Мне хотелось подойти к ней, утешить, но такие нежности у нас не были приняты: я побоялся, что меня засмеют.*

На максимальную интенсивность действия и максимальный ущерб, причем не только моральный, но и физический, указывают два синонимических ряда — *издеваться, изыматься, глумиться и посмеяться, насмеяться*. Объект издевательства не просто испытывает неприятные чувства: действия, описываемые глаголом *издеваться* и его синонимами, унижают человеческое достоинство.

1.4.2. ГЛАГОЛЫ *ИЗДЕВАТЬСЯ, ИЗЫМАТЬСЯ, ГЛУМИТЬСЯ*

В семантике этих слов указание на ущерб, который наносится объекту действия, выходит на первый план. Они описывают жестокое, зачастую граничащее с садизмом действие, цель которого — представить объект смешным и жалким, причем субъект получает от этого удовольствие.

Начальник штаба изоциренно издевался над молоденькой машинисткой;

Чем дальше, тем больше интересы Вашей личной диктатуры приводят в непримиримое противоречие (...) с интересами всей страны, над которой Вы изымаетесь как тиран, дорвавшийся до единоличной власти (Ф. Раскольников, Открытое письмо Сталину);

С какой-то злобною радостью «Емельян» стал глумиться над Иваном Федотычем, поносить его непристойными словами, давать ему насмешильвые прозвища (Эргель, МАС);

Священника отца Александра Подольского из станицы Владимировской Кубанской епархии арестовали за то, что он отслужил молебен для казаков перед боем. Сначала его водили по станице и глумились над ним, а потом зарубили (В. Цыпин, История русской церкви).

Действия могут быть как речевыми, так и неречевыми. В случае, когда объект действия — человек, издевательство унижает его, наносит ущерб его достоинству.

Когда ни отца, ни матери уже не было в живых, я жила в Москве, в подвале у торговки на смоленском рынке, которая все издевалась надо мной: «Ну, ваше сиятельство, как ваши обстоятельства?» (И. Бунин, Холодная осень);

Сталин садистически издевался над своими соратниками, объявив шпионками жен Молотова, Калинина, и арестовал на всякий случай даже жену «своего верного личарды» — Поскрёбышева (Уппсальский корпус);

Добро бы просто к стенке, а то рвали ногти, ломали кости, отбивали почки, грубо изымались, подлеише унижали, прежде чем спровадить на тот свет (Уппсальский корпус);

К тому времени, как я понимаю, у нацистов прошел, так сказать, первый пыл, первый энтузиазм массовых умерщвлений, избиений, глумлений и издевательств, все это превратилось в привычку (А. Рыбаков, Тяжелый песок).

Глаголам *издеваться*, *измываться* и *глумиться* во многом присущи черты и интерпретационности: они могут не обозначать никакого конкретного действия, а служить для интерпретации того или иного действия как унижающего достоинство объекта. *Издеваться* употребляется в характерной для интерпретационных глаголов конструкции с формой ДЕЕПР.

Не могу видеть, как в цирке издеваются над дикими зверями, заставляя их ходить на задних лапах и прыгать через горящие обручи;

«Заря смотрела долгим взглядом, ее кровавый луч не гас, но Петербург стал Петроградом в незабываемый тот час» — Маяковский издевался, предлагая подставить в эти стихи Городецкого вместо «но» — «а» или «и», и ничего не изменится (М. Гаспаров, Записи и выписки).

С другой стороны, в некоторых контекстах интерпретации нет, и эти глаголы описывают вполне конкретное действие. Поэтому для них характерны конструкции и сочетаемость, нетипичные для большинства интерпретационных глаголов. Так, они могут употребляться в процессном и актуально-длительном значении формы НЕСОВ:

Я выглянула в окно и увидела, что ваш бездельник издевается над моим Барсиком!

На протяжении сорока минут этот «известный аналитик» открыто глумится над всем, что происходит в стране.

Глагол *издеваться* сочетается с наречием *громко*, указывающим на манеру речи субъекта; ср. *Корнеев, хорошо выспавшийся и очень бодрый, принялся листать заметки и громко издеваться над стилем (А. и Б. Стругацкие, Понедельник начинается в субботу).*

Глаголы *издеваться*, *измываться* и *глумиться* различаются по четырем признакам. Во-первых, эти глаголы с различной свободой могут описывать речевой акт и неречевое действие. Во-вторых, издевательство, в отличие от своих синонимов, может быть завуалированным. В-третьих, они различаются типом объекта (объектом *глумиться* могут являться святые, идеалы и т. п.). Наконец, три описываемых глагола различаются степенью отрицательной оценки со стороны говорящего.

Перейдем к более подробному описанию этих различий.

Глагол *издеваться* обладает более широким значением, чем его синонимы. Он одинаково свободно может описывать и речевой акт, ср. (а), и неречевое действие, ср. (б).

- (а) *Прислуга втихомолку издевалась над нами: дразнила меня горбатым, потому что я в детстве держался сутуловато, а мою мать называли при мне приживалкой и салонницей (К. Паустовский, Иван Бунин);*

- (б) — *Встань, Маша, стыдно!* — закричал я в бешенстве; — а вы, сударь, перестанете ли издеваться над бедной женщиной? Будете ли вы стрелять или нет? (А. С. Пушкин, Выстрел).

Описывая неречевые действия, *издеваться* может указывать на самый широкий их диапазон — от жестоких побоев до чисто символических действий, не причиняющих объекту физического ущерба.

У русской армии <...> всегда были свои традиции: пленным нельзя убивать, над пленными нельзя издеваться (Архив НГ);

Калигула отличался деспотизмом и сумасбродством; намеревался, издеваясь над своими сенаторами, сделать консулом своего коня (Интернет).

Как издевательство часто интерпретируются ситуации, в которых человека заставляют выполнять те или иные унижительные действия. Ср. *[Виктор] издевался надо мной, заставлял по три раза в день чистить его сапоги* (М. Горький, МАС).

С другой стороны, глагол *издеваться* может употребляться в ситуациях, предполагающих бездействие субъекта, в результате которого объект оказывается в смешном или жалком положении; ср. *Сердце мое, рыбка моя, ожерелье! выгляни на миг. Просунь сквозь окошечко хоть белую ручку свою... Нет, ты не спишь, гордая дивчина! <...> Тебе любо издеваться надо мною, прощай!* (Н. В. Гоголь, Вечера на хуторе близ Диканьки).

В экспрессивной речи глагол *издеваться* и особенно дериват *издевательство* могут использоваться в расширенном значении. Ср. следующие примеры, где издевательством названы действия, заведомо не имеющие целью унижить объект:

- (а) *Да это форменное издевательство! <Они просто издеваются!> Сберкасса открывается в 11, а в час уже закрывается на обед;*
- (б) *Вот издевательство: мне сдачу давали 30 рублей мелочью!;*
- (в) *900 рублей — это помощь или издевательство?* (Интернет).

В таких расширенных употреблениях речь может идти не только о действиях какого-либо человека или людей, но и о ситуациях, ни от кого не зависящих, и даже о природных явлениях. Ср. *Вышел из дома — дождь пошел. Вернулся за зонтиком, пилил на пятый этаж, потом спустился — дождь кончился. Издевательство какое-то!*

Описывая речевой акт, глагол *издеваться* способен обозначать завуалированное действие, когда возможно сомнение в том, серьезен ли субъект или иронизирует.

- (а) *Да он над нами просто издевается!;*
- (б) *Может, в ресторане пообедаем? — Издеваешься?;*
- (в) *Я не пойму, вы что, издеваетесь, что ли?* (Диалоги «09»);

(г) *Володя Лисовский понял, наконец, что над ним издеваются* (А. Толстой, Эмигранты).

Поэтому *издеваться* можно *тонко, утонченно* или *изоциренно*; ср. *Может, он считал, что издевается над тобой куда тоньше других* (В. Пелевин, Затворник и Шестипалый).

Измываться и *глумиться* предполагают значительно более узкий диапазон действий субъекта по сравнению с *издеваться*. Они не могут указывать на бездействие субъекта. Нехарактерно для них и описание завуалированного действия; ср. ненормальность **По его тону трудно было понять, серьезно он говорит или измывается (глумится); ??Как ты не поймешь, что он над тобой глумится!*

Для глагола *глумиться* характерно употребление в контекстах, где объектом глумления являются святыни, идеалы и т. п. Ср. *Грустно видеть, когда гримасничают, кривляются и глумятся над таким предметом, который любишь горячо, искренне и сознательно* (Писарев, БАС-2); *Мы помним, как сегодняшние «заплаканные» русские глумились над идеей балтийской свободы, как боролись за сохранение СССР* (В. Новодворская, По ту сторону отчаяния).

Слова *издеваться*, *измываться* и *глумиться* указывают на резко отрицательную оценку говорящим действий субъекта. Эта оценка, в первую очередь, связана с удовольствием, которое доставляет субъекту сознание своего превосходства над другим объектом.

Измываться и *глумиться* отличаются от *издеваться* тем, что оценивают действие как особенно аморальное, как грубое надругательство над другим человеком. Наиболее резкую отрицательную оценку говорящим действий субъекта выражает глагол *глумиться*: эти действия представляются ему как циничные и даже кощунственные.

В этом отношении с *глумиться* сближается глагол *надругаться*. Ср. *На рассвете останки священника были найдены за городом, около мельницы; убийцы хотели бросить его в прорубь, но оказавшиеся рядом крестьяне не дали надругаться над прахом* (В. Цыпин, История русской церкви); *Он совратил эту барышню, разрушил ее жизнь и надругался над её пусть грешным, но искренним чувством* (Б. Акунин, Пелагия и белый бульдог).

Упомянем еще один глагол, синонимичный трем рассмотренным словам — просторечную лексему *изгаляться*. Ср. *Летчика, развозившего почту, настиг «мессер». Прежде чем расстрелять его [летчика] из пулемета, он, как обычно, стал изгаляться над ним. Снижает скорость до предела, пролетая возле него, хохочет, показывая на горло, и что-то кричит нашему летчику, скорее всего: «Рус капут!»* (Ф. Искандер, Стоянка человека).

Заклучим описание понятия *издевательства*, приведя единое толкование для трех рассмотренных глаголов. Предлагаемое толкование ориентировано на основной круг употреблений этих слов.

Х издевается (измывается, глумится) над Y-ом = ‘совершая действие Р по отношению к Y-у, X хочет, чтобы Y предстал вследствие Р как нечто смешное и

жалкое; X хочет этого, потому что получает от этого удовольствие и испытывает чувство превосходства над Y-ом; говорящий оценивает мотивы и поведение X-а отрицательно’.

1.5. ГОРДОСТЬ И САМОЛЮБИЕ

Итак, выше были проанализированы понятия достоинства и чести, а также лексика, описывающая нанесение ущерба этим атрибутам. Перейдем к двум другим словам, достаточно близким к достоинству.

Гордость и *самолюбие*, так же, как и *достоинство*, выступают как человеческие атрибуты — сущности, которыми, согласно наивно-этическим представлениям, должен обладать каждый человек как личность или как обладатель данной социальной роли. *Где же твоя гордость?; Где же его мужское самолюбие?*

Ниже речь пойдет о лексемах *гордость 2*, *гордый 2*, *самолюбие* и *самолюбивый*. У *гордости* и *гордого* есть другие, первые значения, семантически производные от глагола *гордиться* и указывающие не на атрибут, а на с о с т о я н и е — приятное чувство, вызванное тем, что субъект или близкий ему человек имеет или сделал нечто очень хорошее¹⁴. Ср. *гордость за сына; Неумение приготовить яичницу — не повод для гордости; Я был горд, что и мне {...} была вручена роль Милона из «Недоросля»* (Юрьев, МАС). Заметим одно словообразовательное различие между *гордостью*-атрибутом и *гордостью*-состоянием: только с *гордостью 2* (атрибутом) соотносятся дериваты *гордец* и *гордячка*. Ср. *Вот то-то, все вы гордецы! Спросили бы, как делали отцы?* (Грибоедов, МАС); *Поверите ли, слова от гордячки не добились* (И. С. Тургенев, Дым).

Гордость и *самолюбие* предполагают желание субъекта быть не хуже, а в случае *гордости* даже лучше других людей; ср. *Когда он выступал хуже начинающих спортсменов, страдала его гордость* (страдало его самолюбие).

Ср. также следующее несколько устаревшее употребление. *Отступить? Никогда! Вся моя гордость подымается при одном этом предположении* (Гаршин, БАС).

Оба свойства, так же, как и *достоинство*, могут определяться принадлежностью субъекта к определенной социальной группе: можно говорить о *мужской* (национальной) *гордости*, *мужском самолюбии*, *самолюбии ученого* (артиста) и даже о *самолюбии рыбакова*.

Мужское самолюбие его было задето, слава искусного пропагандиста страдала в столкновениях с этой девушкой (М. Горький, МАС);

Его самолюбие рыбакова было задето (Атаров, МАС);

ср. также название рассказа В. Кожевникова «Штурманское самолюбие».

Основное различие между *гордостью* и *самолюбием* заключается в следующем. *Гордость* предполагает, что субъект сознает свою ценность и н е з а в и с и -

¹⁴ См. синонимический ряд Ю. Д. Апресяна ГОРДИТЬСЯ в словаре [НОСС 2004].

м о с т ь от других людей и поэтому не хочет признавать собственную слабость или ошибки, избегает принимать чью-либо помощь, стремится самостоятельно справляться с трудностями. Для *самолюбия* же важно стремление субъекта добиваться у с п е х а.

- (а) — *Мне не нужно ваших денег!*
— *Ишь какие мы, оказывается, гордые!*
- (б) *Черт бы побрал эту глупую гордость, это тупое обидчивое упрямство, которое так часто мешает даже смелым людям сознаться вслух в своей вине или ошибке* (А. Куприн, Колесо времени);
- (в) *Я не принимаю подачек от бар. У меня есть своя гордость* (В. Набоков, Камера обскура);
- (г) *Молодому человеку не понравилось, видите ли, что не он верх взял. Самолюбие, видите ли* (А. П. Чехов, Шведская спичка (Уголовный рассказ)).

Гордость не зависит от м н е н и я других людей, тогда как для *самолюбия* типичны контексты, предполагающие ревнивое отношение субъекта к мнению о себе других людей. Ср. *На меня смотрели из окон, и пыл молодого самолюбия заставил меня сделать то, на что сегодня бы никак не решился* (В. Набоков, Другие берега).

С другой стороны, употребление слова *самолюбие* возможно в контекстах, не предполагающих сравнения своих успехов с успехами других людей, в то время как для *гордости* это обязательный компонент толкования. О *самолюбии* (так же, как и о *достоинстве*), можно говорить и на необитаемом острове, тогда как *гордость* всегда предполагает оглядку на других людей. Ср. невозможность использования этого слова в контекстах, подобных следующему:

Ее самолюбие порядком страдало от того, что после операции она разучилась делать шпагат;

Пускай об этом никто не узнает: для меня это все равно удар по самолюбию!

Сознание собственной ценности сближает *гордость* с *достоинством*.

Привычная для ученого объективность сказалась в особой взвешенности, корректности суждений: кажется, в книге нет ничего, что задело бы национальную гордость (или чье-либо личное достоинство) (НМ, № 2, 1998);

Но сильнее задело ее другое, она сочла, что Мартину недостает гордости и чувства собственного достоинства (Дж. Лондон, Мартин Иден, пер. с англ.).

Перейдем в вопросу о том, как ф у н к ц и о н и р у ю т атрибуты, описываемые словами *гордость* и *самолюбие*.

1. И *гордость*, и *самолюбие* могут у д е р ж и в а т ь субъекта от каких-то действий:

Тогда Василий Васильевич побагровел, приподнялся, но и тут удержала его гордость (А. Н. Толстой, Петр Первый);

Немного смутил ее Паниковский. Она думала, что он не разговаривает с ней из гордости (И. Ильф, Е. Петров, Золотой теленок);

Я ни на минуту не переставал скучать по вас, и только упрямое самолюбие мешало мне сознаваться в этом (А. П. Чехов, Жена);

Я уже знал, в чем дело, но не оправдывался: отчасти потому, что не знал, как начать разговор, отчасти из самолюбия (В. Ходасевич, Андрей Белый).

2. Кроме того, *самолюбие*, в отличие от *гордости*, может **з а с т а в л я т ь** субъекта совершать активные действия.

Самолюбие заставляло его тренироваться каждый день по несколько часов;

Он был так рассеян, что не заметил, как жена от него ушла. Через несколько дней, узнав об этом, жена из самолюбия вернулась. Она не могла смириться с мыслью, что уход ее не замечен (Ф. Искандер, Поэт).

Фразу *Я не гордый* уместно употребить в ситуации, когда субъект соглашается принять помощь, тогда как фраза *Я не самолюбивый*, скорее, уместна в ситуации отказа от совершения каких-либо действий.

Атрибуты, на которые указывают слова *гордость* и *самолюбие*, могут подвергаться в о з д е й с т в и ю как со стороны их обладателя, так и со стороны других людей.

1. В случае собственных неудач субъекта или чьего-либо превосходства над ним, *самолюбие* и *гордости* наносится у щ е р б и субъект (так же, как и в случае *достоинства*) испытывает неприятное ч у в с т в о. Ср. *Это задевало мою гордость (мое самолюбие); оскорбленное самолюбие; удар по самолюбию*. Ср. также

Поражение от американки Паттерсон стало для нее сильным ударом по самолюбию, и поэтому Хоркина сделает все, чтобы проститься с олимпийским помостом достойно (Известия, 24.08.2004);

Рядовой интеллигент обиделся не только за героев революции, но и за себя, заде-та была гордость носителя просвещения в непросвещенной стране (Г. Померанц, Чтение «Вех»);

Губы [Николаса] сами расплзались самым недостойным образом, что, должно быть, усугубляло раны, нанесенные самолюбию докладчика (Б. Акунин, Алтын-Толобас).

Гордость и *самолюбие* отличаются от *достоинства* степенью интенсивности неприятного чувства, которое испытывает субъект в случае нанесения ущерба данному атрибуту: если в случае унижения достоинства это очень глубокое интенсивное чувство, то в случае *гордости* и, в особенности, *самолюбия*, оно может быть самым незначительным; ср. *кольнуть самолюбие, укол для самолюбия*.

«Да, да, таких героинь у нас немного!..» Отзвев этот укол мое самолюбие (Н. А. Дурова, Кавалерист-девица);

Я много, очень много перенес уколов для своего самолюбия (А. Островский, МАС).

2. *Гордость* и *самолюбие* можно щадить, воздерживаясь от демонстрации превосходства над их обладателем.

Пощади его гордость (самолюбие), дай хоть раз у тебя выиграть;

Известно любопытное письмо, в котором, щадя самолюбие побежденных, Бонапарт писал, что если ему удастся заключить мир, то этим он будет гордиться более, «чем печальной славой, которая может быть добыта военными успехами» (Е. Тарле, Наполеон).

3. С другой стороны, напротив, *гордость* и *самолюбие* другого человека можно подстрекать; ср. *Самолюбие ее было втайне подстрекаемо темной, романической надеждою увидеть наконец тугиловского помещика у ног дочери прилучинского кузнеца* (А. С. Пушкин, Барышня-крестьянка).

4. *Достоинство* и *честь* — это атрибуты, которым можно нанести только травматическое воздействие. Никакие действия самого субъекта или других людей не могут «повысить» его достоинства. *Самолюбие* демонстрирует другую картину. Собственные успехи обладателя *самолюбия* или проявления его превосходства над другими людьми могут *тешить его самолюбие* и *лстить его самолюбию*, доставляя обладателю приятное чувство. Ср. *Всем было ясно, что для советского театра вся эта вычурная декадентщина не подходит и что пьесы читаны только для того, чтобы потешить авторское самолюбие Рукавишников* (В. Ходасевич, Белый коридор).

При этом доставлять субъекту удовольствие могут успехи даже в самых незначительных областях; ср. *Ее самолюбию льстило, что все так хвалили ее стряпню.*

Гордость и *самолюбие*, в отличие от *достоинства*, могут быть развиты у субъекта в большей или меньшей степени.

С одной стороны, желание субъекта быть не хуже или лучше других людей может быть естественным, ср. *здоровая гордость, здоровое самолюбие*. Ср. также *Никто не мог их упрекнуть в высокомерии и заносчивости, а между тем знали, что они горды и цену себе понимают* (Достоевский, МАС). *Гордость*, более того, может быть *благородной* (в несколько устаревших контекстах). Ср. *Всем известно, что у Семена Захаровича было много друзей и покровителей, которых он сам оставил из благородной гордости, чувствуя несчастную свою слабость* (Ф. М. Достоевский, Преступление и наказание).

С другой стороны, *гордость* и *самолюбие* могут быть преувеличенными, ср. *неумная (непомерная) больная гордость; болезненное (раздутое) самолюбие*.

Почему было не извиниться? Всё твоя непомерная гордость!

Больное самолюбие не давало мне покоя: во что бы то ни стало я хотел выиграть;

Ясно, что только раздутое самолюбие могло толкнуть его на этот поступок.

Гордость, кроме того, может быть *дьявольской, сатанинской и адской*. Ср. *Сперва гордость почти сатанинская, потом глумление. Вот, вот чем увлекается молодежь, вот чему покоряются неопытные сердца мальчишек!* (И. С. Тургенев, *Отцы и дети*).

И *гордость*, и *самолюбие* могут быть полностью от других людей и ни в чем не проявляться. Поэтому можно говорить о *скрытом* (глубоко спрятанном) *самолюбии* и *тайной* (затаенной) *гордости*.

Рассматриваемые свойства, в отличие от достоинства, в норме не содержат описания манер поведения субъекта. Впрочем, для *гордости* такое описание возможно — в несколько устаревших употреблениях; ср. *С нею любезничали, — но она скучала, и скука придавала ей вид гордости и холодности* (СПушк).

Указание на манеру поведения и особенности внешнего вида субъекта в большей степени возможно для прилагательного *гордый*. Ср. *Апрельской ночью Леночка Стояла на посту, <...> Прекрасная и гордая, Заметна за версту* (А. Галич, *Леночка*). Впрочем, такие употребления прилагательного *гордый* также воспринимаются как по меньшей мере необходимые.

Если *достоинство* всегда оценивается говорящим безусловно положительно, то *гордость* и *самолюбие* демонстрируют более сложную картину. *Гордость* и *самолюбие* могут оцениваться говорящим по-разному в зависимости от обстоятельств (ср. уже упоминавшиеся сочетания *здоровая* (благородная) *гордость*; *здоровое самолюбие* VS. *непомерная гордость*; *раздутое самолюбие*). В некоторых ситуациях *гордость* и *самолюбие* могут считаться неуместными; ср. *Отложи свою гордость; Тут уж не до самолюбия: дай Бог ноги унести!*

В словарях МАС, БТС и СОШ у слова *гордость* выделяется отдельное значение, указывающее на отрицательно оцениваемое свойство (по МАС'у — 'Чрезмерно высокое мнение о себе и пренебрежение к другим; заносчивость, высокомерие'). В современном языке такие употребления слова *гордость* выглядят книжными или церковными.

Ты знаешь, Господи, что я не по гордости моей, не по духу строптивому послушаюсь батюшки! (А. К. Толстой, *Князь Серебряный*).

Гордость в таких употреблениях может противопоставляться *смирению*.

Опять гордость! где же смирение? Смирение значит — выносить взгляд укоризны чистой женщины, бледнеть под этим взглядом целые годы, всю жизнь, и не сметь роптать (И. А. Гончаров, *Обрыв*);

Алчность давят на верши милосердия, гордость — на верши смирения, наслаждение — на верши воздержания и чистоты (М. Гаспаров, *Записи и выписки*).

1.6. Гордыня и себялюбие

С *гордостью* и *самолюбием* сближаются, образуя к ним своеобразную пару, книжные слова *гордыня* и *себялюбие*. Они предполагают непомерно высокую са-

мооценку субъекта и оцениваются говорящим безусловно отрицательно. Приведем характерные примеры.

- (а) — *Я не угрожаю, а предлагаю помощь. А ты, дурочка, отказываешься. — Это потому, что я гордая. А ты пытаешься меня унижить своей помощью, как будто я совсем беспомощная и глупая, — пошутила Настя. — Это называется не гордость, а гордыня* (А. Маринина, Настя Каменская: Седьмая жертва);
- (б) *Тут не самолюбие, а, так назвать, себялюбие. Тут себя любят отменно; о себе одном пекутся; об одном настоящем чаше суетятся* (Д. И. Фонвизин, Недоросль)¹⁴;
- (в) *Рудин (...) доказывал, что человек без самолюбия ничтожен, что самолюбие — архимедов рычаг, которым землю с места можно сдвинуть. (...) Себялюбие, — так заключил он, — самоубийство. Себялюбивый человек засыхает словно одинокое, бесплодное дерево; но самолюбие, как деятельное стремление к совершенству, есть источник всего великого* (И. С. Тургенев, Рудин).

Специфика слова *гордыня* состоит в том, что оно указывает на непомерное, дошедшее до крайней степени сознание собственной ценности, граничащее с ощущением собственного равенства высшему существу. Ср. также следующую характеристику гордыни: *Гордыня — это сознательное отношение к себе самому как к последнему судье, как к тому, над которым нет ни Божиего, ни человеческого суда* (Митрополит Антоний (Сурожский), Размышления на пути к Пасхе).

Своеобразный эталон гордыни описывается в библейском повествовании о низвержении падшего ангела. *В преисподнюю низвержена гордыня твоя со всем шумом твоим; (...) Как упал ты с неба, денница, сын зари! разбился о землю, попиравший народы. А говорил в сердце своем: «взойду на небо, выше звезд Божиих вознесу престол мой, и сяду на горе в сонме богов, на краю севера; взойду на высоты облачные, буду подобен Всевышнему»* (Ис. 14, 11—15).

Слово *гордыня* стилистически окрашено: оно используется преимущественно в религиозных, возвышенных или, напротив, иронических контекстах¹⁵.

— *Э, брат, нехорошо, не-хо-ро-шо. Тебя, как я вижу, гордыня совершенно обуяла. Что же это, уж и слова никто про тебя не смей сказать? Без критики не проживешь* (М. Булгаков, Театральный роман).

В отличие от *гордости* и *самолюбия*, *гордыня* и *себялюбие* — обычные свойства, их семантика не связана с представлением об атрибуте. *Гордыня* и *себялюбие* никак

¹⁴ В уже цитированной во Введении работе В. В. Виноградов утверждает, что именно в этой реплике Стародума Фонвизиним впервые было введено слово *себялюбие*. Подробное описание пары *самолюбие* — *себялюбие* см. в книге [Виноградов 1994].

¹⁵ По этой причине мы не можем согласиться с мыслью А. Д. Шмелева о том, что «само использование этого слова (слова *гордыня*) является показателем того, что говорящий следует традиционной христианской этике» [Шмелев 2000].

не связаны с социальными ролями (ср. неправильность ??*мужская гордыня, себялюбие рыболова*) и недоступны для воздействия со стороны других людей: ср. невозможность **задевать чью-л. гордыню*; **укол себялюбия*; **тешит <падают> чье-л. себялюбие*.

Перед тем, как предложить толкования для слов *гордость* и *самолюбие*, упомянем два слова, достаточно близких к рассмотренным — *гонор* и *собственнолюбие*.

Слово *гонор*, пришедшее в русский язык через польское *honor* ‘честь’ и способное еще в XIX в. быть синонимом *достоинства* и *чести* (ср. *Я вам даю человека вполне честного и с гонором; это человек великодушный, который сам своей сестре уступил свою часть в десять тысяч рублей* (Н. С. Лесков, *На ножах*)), в современном языке всегда описывает непомерную самооценку субъекта и ее претенциозное выражение. Ср. *Нельзя путать честь с глупым гонором* (Б. Акунин, *Алтын-Толбас*); *Все чего-то требуют, показывают свой гонор* (К. Саймак, *Пересадочная станция*, пер. Н. Галь). При этом сохранившаяся связь этого слова со своей этимологией проявляется в том, что *гонор* может восприниматься как *национальная черта*, присущая полякам; ср. характерность сочетания *польский гонор*; [*Поручик Ромуальд Козловский*], *несмотря на то, что отец его был полотером, очень кичился своим шляхетством и был налит до краев глуповатым гонором* (К. Паустовский, *Поток жизни*). Ср. также цитируемый Анной Вежбицкой пример *Пан запыхтел от гонора* (Ф. М. Достоевский, *Братья Карамазовы*)¹⁶.

Что касается слова *собственнолюбие*, то примеры его употребления приводит В. В. Виноградов (см. [Виноградов 1994: 634—635]), ср. пример из этой работы: *Все мои выговоры, деланные и впрямь делаемые, суть ни что иное, как действие моего собственнолюбия. Письмы твои приносят мне удовольствие; я люблю быть с тобою, ежели не лично, то хотя бы через письма, и вот для чего пытаюсь иногда прервать твое молчание* (Письмо А. М. Кутузова к А. А. Плещееву).

По словам В. В. Виноградова, это слово имело хождение в масонской среде. Не только в современном языке, но и в языке классиков XIX в. это слово нам не встретилось.

Завершим описание *гордости* и *самолюбия*, предложив толкования этих лексем.

X-овая гордость 2 *Y-a* = ‘нематериальный атрибут человека Y — сознание собственной высокой ценности как X-а и независимости от других людей; стремление избегать ситуаций, в которых могла бы проявиться зависимость Y-а от других людей, поскольку это снизит его самооценку’.

X-овое самолюбие *Y-a* = ‘нематериальный атрибут человека Y — стремление достигать успеха во всем, что относится к его функционированию как X-а, поскольку неудачи снижают его самооценку’.

¹⁶ О соотношении польского понятия *honor* и русского *гонора* см. [Wierzbicka 1992: 218—221].

ГЛАВА 2. ПОНЯТИЕ СМИРЕНИЯ

2.1. ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Анна Вежбицка замечает: «Христианский идеал смирения (humility) сложнее сформулировать, чем может показаться на первый взгляд. (...) Попытка определить смирение не через метафору оказывается неожиданно сложной задачей — несмотря на обширную христианскую литературу, посвященную этому понятию» [Wierzbicka 1992: 191] (перевод наш).

На наш взгляд, трудность дать определение *смирения* кроется в самой сущности этого понятия. Для слова *смирение* настолько характерны контексты, заключающие рассуждения об истинном содержании этого понятия, что создается впечатление принципиального отсутствия единого определенного понимания смирения. В этой связи очень характерен следующий фрагмент из «Лествицы» преподобного Иоанна Лествичника.

Один сказал, что смирение есть всегдашнее забвение своих исправлений. Другой сказал: «Смирение состоит в том, чтобы считать себя последнейшим и грешнейшим всех». Иной говорит, что смирение есть сознание умом своей немощи и бессилия. Иной говорил, что признак смирения состоит в том, чтобы в случае оскорбления предварять ближнего примирением и разрушать оным пребывающую вражду. Иной говорил, что смирение есть познание благодати и милосердия Божия. Другой же говорил, что смирение есть чувство сокрушенной души и отречение от своей воли. Все сие выслушав и с великою точностию и вниманием рассмотрев и сообразив, не мог я слухом познать блаженное чувство смирения.

Не менее интересны и характерны две следующие цитаты.

Мы привыкли думать о смирении как о состоянии человека, который перестал видеть в себе что бы то ни было, что могло бы вызвать в нем тщеславие, гордость, самодовольство. Но смирение — еще нечто большее: это примиренность до конца, это мир со всем (Митрополит Антоний (Блум), цит. по [Шмелев 2000]);

Одно из наиболее обычных недоразумений относительно смирения состоит в том, что христианское смирение — внутренний и незримый подвиг борьбы с самостью, со своеволием, с самообожением — истолковывается непременно как внешняя пассивность, как примирение со злом, как бездействие и даже низкопоклонничество (С. Н. Булгаков, Героизм и подвижничество).

Приведем также несколько примеров из Интернета.

Люди исказили понятие смирение;

Одно из великих понятий часто толковалось неправильно, а именно, — великое понятие смирения;

И понятие «смирение» совсем не означает, что надо мной можно делать все, что угодно;

Цель настоящего раздела — дать определение *смирения* и его дериватов как слов русского языка, через их сопоставление с близкими лексемами.

Анализ понятия смирения начнем с описания глагола *смириться*.

2.2. ГЛАГОЛ СМИРИТЬСЯ

2.2.1. СМИРИТЬСЯ I

Эту лексему можно проиллюстрировать следующими примерами:

С отсутствием машины и водопровода пришлось смириться (Ю. Евстифеев, Реаниматоры традиций);

По поведению его на суде было видно, что он не надеялся избежать смертного приговора и заранее смирился со своей участью (В. Цыпин, История русской церкви).

Смириться I предполагает вовлеченность субъекта в некоторую ситуацию (*смириться с чем-л.*)¹⁷, оцениваемую им отрицательно, и сознательный отказ субъекта от борьбы с этой ситуацией.

Отказ от борьбы включает два аспекта — *внутреннее* прекращение борьбы (субъект перестает воспринимать эту ситуацию как нечто, с чем он может бороться) и *внешнее* (субъект перестает прилагать усилия для ликвидации неприятной ситуации).

Первый компонент — внутреннее прекращение борьбы — оказывается важнее второго для семантики рассматриваемого глагола. Ср. нормальность фразы (а) при аномальности (б) и (в).

- (а) *Она уже с этим смирилась, хотя для виду продолжала протестовать;*
- (б) **Она смирилась с этим только для виду;*
- (в) **Она уже с этим смирилась, хотя продолжала переживать.*

Из-за того, что *смиряются* всегда с тем, что считают плохим, отказ от борьбы обычно воспринимается субъектом как неизбежное зло. Ср. характерные конструкции *пришлось смириться; остается только смириться; вынужден смириться*.

Действие *смириться I* всегда предполагает в *олево*е усилие субъекта. Ср. *Я решил с этим смириться; Мне оставалось только смириться с этим; Пойми: ты должен с этим смириться*.

¹⁷ Конструкция *смириться, что P* (синонимичная *смириться с тем, что P*) не может быть признана вполне нормативной для литературного языка. Ср. не вполне стандартное *Не в силах смириться, что профессорский заработок весь уходит на книги и железяки, она стала покупать ему одежду и отсчитывать деньги на продукты* (М. Веллер, Легенды Невского проспекта). См. также обсуждение этой модели управления в работе [Шмелев 2002б: 103].

По этой причине отказ от борьбы может восприниматься как заслуга субъекта, проявление мудрости; ср. *Ей удалось смириться с тем, что остаток жизни она, скорее всего, проведет в коммуналке.*

Смириться часто описывает ситуации, в которых реальное продолжение борьбы объективно не возможно, и единственное, что субъекту остается, — это только внутренне прекратить борьбу; ср. *смириться с неизбежным; смириться со слепотой; раненый не мог смириться с мыслью, что умирает.*

С другой стороны, несмотря на то, что обычно с чем-то *смиряются*, осознав бессмысленность борьбы, этот смысл может сниматься. Ср. возможность следующих сочетаний.

Пожалуй, проще с этим смириться!

Едва переступив порог новой квартиры, она сразу смирилась и с дальним районом без метро, и с шумным шоссе под окном.

Смириться можно не только с конкретной ситуацией, но и с судьбой, стихией, неизбежным, обстоятельствами и т. д. Ср. *А работники темные, вполне смирившиеся со своей корявой темной судьбой, сговариваются, как им на новом месте составить бригаду получше да подпасть под сносного бригадира* (А. Солженицын, Архипелаг ГУЛАГ).

В таких контекстах *смириться* I сближается с глаголом *покориться*. Ср. *покориться своей участи* ≈ *смириться со своей участью*; *покориться судьбе* ≈ *смириться с судьбой*.

Покориться отличается от *смириться* в следующих отношениях. Во-первых, если *смириться* можно с ситуацией, ни от кого не зависящей, то для *покориться* это невозможно. Можно *смириться с отсутствием горячей воды*, но не **покориться отсутствию горячей воды*. С другой стороны, *покориться* можно человеку, в то время как сочетание *смириться с X-ом* метонимично и предполагает, что субъект смиряется с существованием или воздействием X-а. Ср. *Ипполит Матвеевич во всем покорился мадам Кузнецовой, чувствуя ее неоспоримое превосходство в этих делах* (И. Ильф и Е. Петров, Двенадцать стульев) при невозможности подстановки в этот контекст *смирился с мадам Кузнецовой*.

Во-вторых, *покориться* предполагает непосредственное воздействие на субъекта, тогда как для *смириться* это не обязательно. Так, *покориться сварливой теще* значит делать то, чего она хочет, подчинив свою волю её, между тем как *смириться со сварливой тещей* значит перестать относиться к ней отрицательно — возможно, никак с нею не взаимодействуя. Аналогично, *покориться атмосфере павального пьянства* значит самому в нее включиться, тогда как сочетание *смириться с атмосферой павального пьянства* может предполагать, что субъект, не прекращая её осуждать и никак в ней не участвуя, отказывается от попыток бороться с ней.

В-третьих, для *покориться*, в отличие от *смириться*, внешняя сторона действий субъекта оказывается важнее внутренней. Позволим себе использовать уже приведенные выше контрастные пары примеров.

Она уже с этим смирилась, хотя для виду продолжала протестовать;

°Она уже этому покорилась, хотя для виду продолжала протестовать;

**Она смирилась только для виду;*

Она покорилась только для виду.

Другое слово, обладающее близкой к *смириться* семантикой — глагол *примириться*. Ср. *Сам отец, видя возрастание семейного благосостояния, примирился с неудачным браком* (Салтыков-Щедрин, МАС).

Основные различия между этими словами состоят в следующем. Во-первых, *примириться* может предполагать не столь отрицательную оценку субъектом ситуации, как в случае *смириться*. Ср. *Примирюсь со всяким строем жизни, если увижу людей счастливыми* (А. Толстой, Хождение по мукам).

Во-вторых, для *смириться* возможны конструкции с опущенной валентностью ситуации, в то время как для *примириться* это нехарактерно. Ср. затрудненность замены *смириться* на *примириться* в следующем примере: *Андрея взяли [на войну] в первые же дни. Настена поголосила, поголосила и смирилась* (В. Распутин, Живи и помни). Заметим, что в конструкциях с незаполненной второй валентностью различия между всеми тремя лексемами *смириться* частично нейтрализуются.

Исходя из всего сказанного, сформулируем следующее толкование лексемы *смириться 1*.

X смирился 1 с P = 'оценивая P отрицательно, X перестал считать P чем-то, чему он может противодействовать'.

2.2.2. СМИРИТЬСЯ 2

Глагол *смириться* в этом значении не предполагает никакой конкретной ситуации, с которой субъект *смирятся*: эта лексема скорее указывает на отказ субъекта от борьбы с действительностью как таковой.

И то, что она назвала кого-то неведомого, кто займет её место, так спокойно и равнодушно «человек», значило, что она смирилась и ни о чем говорить не нужно (Ю. Трифонов, Предварительные итоги).

Приведем также приводимый А. Д. Шмелевым пример из «Ракового корпуса» А. И. Солженицына:

Какое это безумие! — возвращать их! Зачем? Они там привыкли, они там смирились — зачем же пускать их сюда, баламутить людям жизнь?

Приведенные примеры выглядят как абсолютивные употребления лексемы *смириться 1*. Однако семантика *смириться 2* обнаруживает ряд черт, не сводимых к абсолютиву.

Если лексема *смириться 1* предполагает отрицательную оценку субъектом определенной ситуации, то для лексем *смириться 2* это вовсе не обязательно.

В ситуацию, описываемую лексемой *смириться 2*, может вводиться указание на высшую силу или могущественные обстоятельства (стихию, судьбу, рок), осознание полной зависимости от которых заставляет субъекта отказаться от борьбы. Эта валентность (назовем ее условно «валентностью высшей силы») заполняется предложной группой *перед чем-л.* Ср. *смириться перед стихией* (*перед роком, перед судьбой, перед обстоятельствами, перед неизбежным*).

Русский человек мудро смиряется перед лицом Провидения, ибо он твердо знает: чему бывать, того не миновать (В. Пьецух, Сравнительные комментарии к пословицам русского народа);

Пришлось смириться перед стихией. Ничего не поделаешь (А. Некрасов, Приключения капитана Врунгеля).

Интересной особенностью *смириться 2* с заполненной «валентностью высшей силы» является затрудненность ее употребления под отрицанием: ср. сомнительность *??Он не смирился перед судьбой* (*перед стихией*).

Как было сказано выше, *смириться 1* также сочетается со словами *судьба, неизбежное, обстоятельства* и т. д. В таких контекстах *смириться 1* и *смириться 2* отчасти сближаются, хотя *смириться 1* сохраняет указание на отрицательную оценку ситуации. Ср. *смириться с судьбой* (*с неизбежным*) — *смириться перед судьбой* (*перед неизбежным*).

Отметим одну любопытную сочетаемостную особенность *смириться 2*, дать которой убедительное объяснение мы затрудняемся. Можно, с одной стороны, *смириться со своей судьбой*, и, с другой, *смириться перед судьбой*, но нельзя **смириться перед своей судьбой*.

Лексема *смириться 2*, в отличие от *смириться 1*, не предполагает волевого решения со стороны субъекта, и поэтому может передавать отрицательную оценку этого действия говорящим, описывая ситуацию, в которой человек оказывается *сл о м л е н*. Особенно это характерно для контекстов с незаполненной валентностью высшей силы.

Когда побеждает человек, наделенный свободой, разумом и добротой, — фашизм погибает и смирившиеся вновь становятся людьми (В. Гроссман, Жизнь и судьба);

Если бы в долгие часы тюремного одиночества он видел только кусок моря, перечеркнутый железными прутьями, он смирился бы или сошел с ума (Ф. Искандер, Рассказ о море);

*За то, что я слаб и смириться готов,
Что предки мои — поколенья рабов*

(А. Блок, Ангел-хранитель).

Подведем итог сказанному, предложив толкование рассмотренной лексемы.

X смирился 2 перед Y-ом = ‘считая, что жизнь X-а зависит только от высшей силы Y, борьба с которой невозможна, X перестал считать происходящее с ним чем-то, чему он может противодействовать’.

2.2.3. СМИРИТЬСЯ 3

Эта лексема стилистически окрашена как церковная. Она указывает не на отказ субъекта от борьбы с чем-то внешним, а, напротив, на активное сдерживание своих (часто агрессивных) импульсов или реакции на агрессию. При этом движет субъектом доверие Божьей воле и сознание малой значимости собственной воли.

Надо учиться смиряться, промолчать, когда надо, и прощать обиды (Интернет);

Обыкновенно (...) все в доме делается святыми, как только кто-нибудь захочет карабкаться на небо, потому что все должны терпеть, смиряться, все выносить от «подвижника» (Митрополит Антоний (Блум), Без записок);

Божия благодать ему [священнику] дается не как постоянный дар, а в меру того, как он сам смиряется перед Богом (Митрополит Антоний (Блум), «Берегитесь, братья мои, священники!»).

Основные отличия этой лексемы от двух первых значений слова *смириться* сводятся к следующему.

1. Церковное *смириться* указывает на действие, протяженное во времени, тогда как *смириться с чем-то* и *смириться перед обстоятельствами* можно и мгновенно. По этой причине форма НЕСОВ для рассматриваемой лексемы значительно более характерна, чем форма СОВ. Для *смириться 1* и *смириться 2* форма НЕСОВ совершенно не характерна. В особенности это касается формы ПОВЕЛ НЕСОВ. Ср. следующую контрастную пару.

(а) *Что поделаешь, смиришь!* [лексема *смириться 1* или *смириться 2*];

(б) *Что поделаешь, смирайся!* [лексема *смириться 3*].

Ни *смириться 1*, ни *смириться 2* не употребляются в актуально-длительном значении формы НЕСОВ. Ср. комичное **Сижу и смиряюсь с тем, что свет выключили*; **Он у себя в комнате, смиряется перед судьбой*. Для лексемы *смириться 3* такие употребления возможны; ср. *Он на меня кричит, чуть не с кулаками лезет, а я сижу и смиряюсь*. Впрочем, ср. неправильность **Он на меня кричит, чуть не с кулаками лезет, а я сижу и смиряюсь перед Богом*.

2. Также, как и в случае *смириться 2*, в ситуацию, описываемую лексемой *смириться 3*, может вводиться указание на высшую силу. Однако, в отличие от *смириться 2*, этой высшей силой может быть только *Бог, промысл Божий, Господ-*

ня воля и т. п. Если субъект *смириться 2* считает, что борьба с высшей силой невозможна, то субъектом *смириться 3* движет безусловное доверие ей. *Смириться 3*, в отличие от двух других лексем этого слова, не может указывать на вынужденное действие. Поэтому для рассматриваемой лексемы затруднена сочетаемость типа *приходится <вынужден> смиряться перед Богом* и под.

3. Действие *смириться 3*, в отличие от *смириться 1* и *смириться 2*, оценивается говорящим безусловно положительно. Характерен следующий пример, где оно трактуется как подвиг. *История и единичная человеческая жизнь представляются в его [христианского подвижника] глазах осуществлением <...> строительства Божьего, перед которым он смиряется подвигом веры* (С. Булгаков, Героизм и подвижничество).

Для лексемы *смириться 3* можно предложить следующее толкование.

X смиряется 3 (перед Y-ом) = 'желая, чтобы жизнь X-а определялась только волей высшей силы Y, X отказывается от отстаивания собственной воли и сдерживает собственные импульсы и реакции, не соответствующие воле высшей силы Y'.

2.3. СУЩЕСТВИТЕЛЬНОЕ СМирЕНИЕ

Это слово способно выступать в качестве отглагольного деривата от всех трех лексем *смириться*. Приведем примеры, иллюстрирующие каждое из значений.

Интеллект безмерный, талантов целые плеяды, труд невообразимый — и при всем этом полное смирение с тем, что о твоей гениальности никто никогда не узнает! (А. А. Зализняк, Лингвистика по А. Т. Фоменко) [*смириться 1*];

Сдержанность в выражении чувств и общее настроение светлой грусти и философского смирения с судьбой [в поэзии Есенина] напоминают элегии позднего Пушкина (Ф. Раскольников, Статьи о русской литературе) [*смириться 1*];

Смирение перед неизбежностью, в котором я находился и из которого, казалось, ничто уже не могло меня вывести, разлетелось воребезги (Г. Жженов, Прожитое) [*смириться 2*];

Путь от сопротивления к смирению — так, пожалуй, можно обозначить духовное наполнение повестей и рассказов Марины Палей (НМ, №12, 1998) [*смириться 2*];

Смирение перед путями Промысла Божия есть существенный смысл человеческой жизни, по учению Святых Отцов (Монахиня Игнатия (Петровская), Слово о старчестве) [*смириться 3*];

Но спасет Бог людей своих, ибо велика Россия смирением своим (Ф. М. Достоевский, Братья Карамазовы) [*смириться 3*].

В то же время, для слова *смирение* все же более типично употребление в контекстах, соответствующих *смириться 2* и *смириться 3*; ср. странность следующих

примеров, где *смирение* соотносится со *смириться 1*: [?]*смирение с отсутствием водопровода*; [?]*смирение с неудачным браком сына*. Заметим, что А. Д. Шмелев считает контексты, где *смирение* соотносится со *смириться с чем-л.*, окказиональными ([Шмелев 2000]).

Некоторые употребления существительного *смирение* не соотносятся с семантикой глагольных лексем *смириться*. Назовем две особенности деривата *смирение*.

Во-первых, *смирение*, в отличие *смириться*, может использоваться в таких сочетаниях как *смирение перед истиной* (при сомнительности [?]*смириться перед истиной*), указывая на признание субъектом собственной малой значимости и ограниченности своих сил и возможностей перед лицом высшей силы или чего-то к ней приравняемого. Ср. *Смирение перед истиной имеет большое моральное значение, но не должно вести к культу мертвой, отвлеченной истины* (Н. Бердяев, *Философская истина и интеллигентская правда*); *Мусоргский смерти не боится, в нем смирение верующего перед величием ее момента* (Г. Вишневецкая, Галина. *История жизни*).

Во-вторых, *смирение* может указывать на отказ субъекта от демонстрации собственной значимости, что для глагола *смириться* нехарактерно. Ср. *Лечит Пафнутий не всех, а только тех, кто верит в его учение, и требует смирения: надо упасть к нему в ножки и попросить: «Подсоби ты мне, дедушка, червя малому и убогому»* (Т. Толстая, *Сомнамбула в тумане*).

Во всех приведенных примерах мы склонны видеть одно — первое и основное — лексическое значение слова *смирение*. Об этой лексеме пойдет речь в дальнейшем.

Кроме того, у существительного *смирение* можно выделить и другое значение — устаревшую лексему *смирение 2*. Эта лексема производна от глагола *смирять*. В отличие от *смирения 1*, она способна управлять формой РОД (ср. *смирение чувств*) и употребляться в конструкции *привести в смирение*. В дальнейшем эта лексема рассматриваться не будет. Ограничимся приведением двух примеров. *Проходит пыл юношеских лет; настает возраст возмужалости, {...} опыта и смирения бурных порывов воображения и чувства* (Добролюбов, МАС); [*Король Карл*] одним появлением своим привел в смирение ливонских рыцарей (А. Н. Толстой, МАС).

2.4. ДЕРИВАТЫ СМИРЕННЫЙ И СМИРЕННО

У прилагательного *смиранный* мы выделяем три значения.

Смиранный 1 соотносится с семантикой лексемы *смирение 1*. Ср. *Это была высокая, неуклюжая, робкая и смиренная девка {...}, бывшая в полном рабстве у сестры своей, работавшая на нее день и ночь, трепетавшая перед ней и терпевшая от неё даже побои* (Достоевский, МАС).

К этому же значению *смирненного* относится устаревший круг употреблений, в котором это слово входит в состав этикетной формулы. Ср. *Смирренный игумен Пафнутий руку приложил*.

Лексема *смирренный 2* реализует регулярную для прилагательных, характеризующих внутренний мир человека, модификацию основного значения: ‘выражающий смирение’. Ср. *смирренный взгляд*; *смирненная мольба*; *Я всякий раз, как Грушницкий подходит к ней, принимаю смирренный вид и оставляю их вдвоем* (Лермонтов, МАС).

Просторечная лексема *смирренный 3* имеет значение ‘смирный’; ср. *Нагоняет ямничок вожаса с медведем: — Посади нас, паренек, Веселей доедем! — Что ты? с мишкой? — Ничего! Он у нас смирренный* (Н. Некрасов, МАС).

Кроме того, форма *смирренный* (вариант — *смиранный*) может выступать причастием от глагола *смирять*. Ср. *Наконец Черниговский Князь, смиранный голодом, должен был покориться и клятвенно обещал приехать на совет в Киев вместе с братом своим Давидом* (Н. М. Карамзин, История государства Российского); *О блеск грозы, смиранный в тонком горлышке гордячки!* (Б. Ахмадулина, Сказка о дожде).

В дальнейшем речь пойдет исключительно о первых двух лексемах этого слова.

Дериват *смирненно* имеет одно-единственное значение, соответствующее лексеме *смиранный 1*. Ср. *Христианин должен, конечно, смирненно учиться правде, даже если ее высказывает неверующий* (С. Франк, По ту сторону «правого» и «левого»); *Подойдя к избе, к маленькому окошечку, нищий смирненно кланялся и лезвонько стучал батожком в раму* (Бунин, МАС).

Скажем несколько слов о специфике дериватов *смиранный* и *смирненно*, отличающей их от слова *смирение*.

Ни прилагательное, ни наречие не управляют предложной группой *перед чем-л.*; ср. *неправильность ?[?]Это был смиранный перед Богом (перед судьбой) человек; *смирненно перед Богом.*

Для наречия *смирненно* особенно характерно указание на отказ от демонстрации и собственной значимости, своих заслуг или достоинств в ситуации, когда, по мнению говорящего, это было бы естественно.

Сдать блестяще экзамены, а потом смирненно говорить: да нет, Господь помог, — это слишком легко (Митрополит Антоний (Блум), Без записок);

Главный кригсман Ганс Витольд Готтлиб смирненно стоял позади многочисленной свиты Великого курфюрста (В. Быков, Главный кригсман).

Кроме того, для этого наречия, а также для его фразеологического синонима — предложного сочетания *со смирением* — характерно описание манеры поведения субъекта; ср. *смирненно поклониться (потупиться, согласиться)*; *со смирением встать позади толпы*. Ср. также *От его прежнего решительного вида не осталось и следа, и, когда он начал говорить, его голос зазвучал смирненно и жалобно* (Н. Гумилев, Черный Дик).

2.5. СМирЕНИЕ VS. КрОТОСТЬ

Сопоставим со словом *смирение* и его дериватами близкие по смыслу лексемы *кротость*, *кроткий* и *кротко*. Это сопоставление позволит выявить важные компоненты значения обоих слов и послужит дополнительным аргументом в пользу выделения тех компонентов семантики *смирения*, о которых было сказано выше.

У слов *кротость* и *кроткий* есть два значения. Первое, основное, представлено в таких контекстах как *сказать с кротостью*; *Он человек кроткий*. Лексемы *кротость 2* и *кроткий 2* описывают внешнее выражение свойства: ср. *кротость улыбки* (взгляда); *кроткая улыбка*; *кроткое лицо*. В дальнейшем оба значения описываются вместе, а индексы лексем опускаются.

Семантика *кротости* достаточно близка к семантике *смирения*. Во многих случаях возможна взаимозамена без существенного изменения смысла: ср. *со смирением* (с кротостью) *согласиться*. Ср. также

Меня поражала кротость, с которой она принимала попреки склочной старухи;

Я боялась смотреть на мужа; его кротость, терпение сделали больше, чем любые укоряющие слова (Отец Арсений);

— *И то, матушка Амалия Казимировна, потешились над купчиной. Так мне, дураку, и надо, — смиренно проговорил он* (Б. Акунин, Азазель);

В детстве она была тихим, кротким созданием, а жизнь сделала ее еще смиреннее.

Основное отличие *кротости* от *смирения* заключается в том, что *кротость* состоит в отсутствии какой бы то ни было агрессии по отношению к другим людям, тогда как для *смирения* скорее важно сдерживание собственных и мпульсов и амбиций. Это объясняет естественность фразы (а) и сомнительность (б):

(а) *Он со смирением признал, что был неправ;*

(б) *??Он с кротостью признал, что был неправ.*

Приведем другие примеры, использование в которых слова *смирение* или его производных было бы неудачно.

[Иван Петрович] — человек кроткий, никогда и никому не сделавший зла (Неверов, МАС);

*Тут кротко или строго
Царило много лиц,
Царей не слишком много,
А более цариц*

(А. К. Толстой, История Государства Российского от Гостомысла до Тимашева);

Самодержица Всероссийская, кроткая сердцем Елизавета Петровна, решила покончить со смертной казнью (А. Филиппов, Кроткая Елизавета Петровна);

Это был молоденький, скромный, кроткий улыбающийся монах, а дело повел крепкой рукой и достигал добрых результатов (В. Цыпин, История русской церкви).

Если человека называют *кроткой овечкой* или *кротким как голубь*, это значит, что он сам никого не обижает.

*Когда воротимся мы в Портленд
Мы будем кротки, как овечки,
Но только в Портленд воротиться
Нам не придется никогда*

(Б. Окуджава, Пиратская лирическая).

В отличие от *смирения*, *кротость* может указывать и на активные неагрессивные действия субъекта. Поэтому *кротко* можно не только *согласиться*, но и *возразить*. Ср. также *Он очень кротко (с кротостью) ответил, что уважает мнение дяди, но все-таки хочет отложить отъезд хотя бы на неделю*.

Употребление в этих контекстах слова *смиренно* внесло бы во фразу противоречие.

Способность описывать активные действия определяет возможность прилагательного *кроткий* употребляться в сочетаниях типа *кроткий укор*, *кроткое любопытство* и под. Такие контексты указывают на крайнюю сдержанность проявлений внутреннего состояния.

Со скамеечки против сиденья с кротким любопытством озирались дети — мальчик и девочка, бледные, закутанные в шали (И. Бунин, Деревня);

Митрофаней заглянул ей в глаза, но устыдился, потому что прочел в них кроткий укор (Б. Акунин, Пелагия и белый бульдог).

Употребление в подобных фразах прилагательного *смиренный* также создало бы противоречие.

Еще одно важное различие между *смирением* и *кротостью* состоит в том, что первое — это, скорее, с о с т о я н и е, тогда как *кротость* — это постоянное с в о й с т в о характера. Заметим, что на свойство характера также указывает периферийный дериват *смиренность*. Это различие проявляется, в первую очередь, в следующем.

Во-первых, поскольку *смирение* описывает состояние, можно говорить о *приливе смирения*, *минуте смирения* и *чувстве смирения*, но не о *приливе кротости*, *минуте кротости* или *чувстве кротости*.

— *Напрасно вы меня оскорбляете, Natalie*, — вздохнул я, чувствуя вдруг особенный прилив смирения (А. П. Чехов, Жена);

По временам она называла себя моей работой и была ею действительно; но когда эта минута смирения проходила, то она превращалась в такую властолюбивую женщину, что не выносила ни малейшего противоречия (М. Н. Загоскин, Вечер на Хопре);

Новое для Наташи чувство смирения перед великим, непостижимым, охватывало её, когда она — слушала звуки службы, за которыми она старалась следить, понимая их (Л. Н. Толстой, Война и мир);

На десятом году Елена познакомилась с ницею девочкой Катей и тайком ходила к ней на свидание в сад (...); с чувством радостного смирения ела её черствый хлеб, слушала её рассказы (И. С. Тургенев, Накануне).

С тем, что смирение описывает состояние, связано существование периферийного деривата *смиренность*, указывающего, в отличие от *смирения*, именно на свойство. Ср. *Бабкины подружки умиленно гладили его по голове, подносили кружку с «теплотой», принимая его удивительную выдержку за редкую среди детей смиренность (П. Алешковский, Жизнеописание Хорька); При всей своей смиренности и слабости они составляли невидимый стеновой хребет сопротивления отлучению народа от нравственных устоев (О. Волков, Из воспоминаний старого тенишевца).*

Во-вторых, для *смирения* на первом плане может находиться внешнее поведение субъекта, в частности, его манера держаться. Ср. *На лице его уже не замечалось и следа (...) подобострастного смирения (И. С. Тургенев, Степной король Лир).*

Для *кротости* такие контексты менее характерны.

Поэтому *смирение*, в отличие от *кротости*, может указывать на то, что субъект изображает смирение, не испытывая его. Ср., с одной стороны, *показное (напускное, притворное, ложное) смирение* при гораздо менее характерном *показная (напускная, притворная, ложная) кротость*, и, с другой, *истинное (подлинное) смирение* при неправильном *истинная (подлинная) кротость*.

Тут Бахут понял, что Кязым обманул его своим притворным смирением (Ф. Искандер, Сандро из Чегема);

— Не скучаешь? — Некогда скучать и не о чем. — А обо мне?— Лушка с напускным смирением опускала ресницы (Шолохов, МАС).

Еще одна важная особенность *смирения*, отличающая его от *кротости*, состоит в следующем. В семантике *смирения* возможно указание на деятельную борьбу субъекта со своими импульсами и реакциями. Заключается это, прежде всего, в следующем.

Во-первых, *смирение* может восприниматься как цель, которой человек пытается достичь, ведя последовательную борьбу со своими страстями. Поэтому можно говорить о *пути к смирению, пути (дороге) смирения* и т. д.

Во-вторых, *смирению* можно учиться. Ср. *школа смирения, урок смирения, упражняться в смирении*. Ср. также *Мы научились смирению, мы разучились удивляться (В. Шаламов, Колымские рассказы); Послужите-ка сначала на службе невидной, скромной, нестяжательной, поучитесь смирению и благочестию (Б. Акунин, Пелагия и белый бульдог); — Одно я понимаю, — прибавил он, — это урок смирения (Л. Н. Толстой, Анна Каренина).*

В-третьих, *смирение* может осмысляться как подвиг, ср. фрагмент приведенного в п. 2.1. примера: *Христианское смирение — внутренний и незримый подвиг борьбы с самостью, со своеволием, с самообожением* (С. Н. Булгаков, Героизм и подвижничество).

Для *кротости* подобные контексты гораздо менее характерны; ср. неправильное *«дорога (путь) кротости и нехарактерное школа кротости; ?учиться кротости»*.

Итак, кротость — это постоянное свойство характера. Типичные внешние проявления этого свойства — это отсутствие чего бы то ни было интенсивного, резкого, быстрого, шумного. *Кроткий* спокоен, не повышает голос, во всем сдержан. Такая семантика делает возможными сдвинутые метафорические употребления, описывающие не человеческое свойство, а состояние, никак не связанное с человеком (часто — состояние п р и р о д ы). Приведем несколько примеров.

Он запомнил закат, такой тихий и кроткий среди лагерного северного болота (В. Гроссман, Жизнь и судьба);

Раз ночью был обломный дождь, а потом горячее солнце как-то сразу вошло в силу, весна потеряла свою кротость и бледность, и все вокруг на глазах стало меняться не по дням, а по часам (И. Бунин, Митина любовь);

Кротко играло солнце в позолоте икон, тихо теплились алые огоньки лампад (И. Шмелев, Неупиваемая чаша).

Употребление в подобных контекстах *смирения* гораздо менее типично, хотя в принципе возможно — как в следующем примере: *Эта вот зрелая смиренная дневная тишина августа — как тихая любовь наших старцев, зрелая в Боге* (Монахиня И. Петровская, Слово о старчестве).

В словах *смирение* и *кротость* ярко проявляется связь с христианскими понятиями. Для семантики *смирения* этот смысл оказывается важнее, чем для *кротости*; ср. бóльшую характерность сочетания *христианское смирение* по сравнению с *христианская кротость*. Ср. [*Отшельник*] *причалил к своей пустыне с желанием отдохнуть от жизни и с христианским смирением молиться Тому, к которому он стал ближе и доступнее* (Н. В. Гоголь, Портрет (редакция «Арабесок»)).

Показательно также, что в МАС'е именно в толковании лексемы *смирение* сказано: «одна из основных добродетелей по христианскому учению».

При этом интересно заметить, что в русском переводе Нового завета *кротость* играет никак не меньшую роль, чем *смирение*. В частности, именно *кротость*, в отличие от *смирения*, упоминается в заповедях блаженства (*Блаженны кроткие, ибо они наследуют землю* (Мф. 5, 5)).

И *смирение*, и *кротость* обычно оцениваются говорящим положительно.

Славный Бальдвин царствовал в Иерусалиме: Даниил в своих записках хвалит его добродетели, приветливость, смирение (Е. Ган, Идеал);

Не было у него теперь любви, не было и смирения, не было и чистоты (Л. Н. Толстой, Отец Сергей);

Думал он о своем хозяйстве и находил, что все у него исправно (...); глядел он на жену — и она казалась ему красивой, доброй и кроткой (А. П. Чехов, Казаки);

Небо говорит: — У меня светила и звезды! Земля говорит: — У меня праведные и кроткие! (Прение Неба и Земли, пер. С. С. Аверинцева).

Однако в современном языке между *смирением* и *кротостью* намечается определенная разница по признаку оценки со стороны говорящего: *смирение* в большей степени может вызывать неодобрение говорящего (особенно тогда, когда это свойство развито в высокой степени). В особенности это касается деривата *смиранный*. По этой причине фраза *Я всегда старался быть смиренным* выглядят прагматически более странной, чем *Я всегда старался быть кротким*.

В этой связи интересно отметить существование деривата *смиранный*, ярко окрашенного стилистически и передающего презрительную, издевательскую оценку смирения. Ср. *Издательские шлагбаумы по-прежнему с преимущественной оперативностью поднимаются перед чем-либо простеньким-смиранным, беззатейным* (Интернет).

Наконец, *смирение* отличается от *кротости* наличием необходимых дериватов *смиранный*, *смиранный* и *смиранный*.

Судя по тому, как ты иногда даешь сдачи, ты далеко не смиренный (Интернет);

Человек вы золотой! Душа! Доброта! Смиранный наш! (А. П. Чехов, Добрый знакомый);

«Крах литературной гордыни» — вот как грозно начинается редакционная врезка. Дескать, есть у нас литературные гордецы, а мы печатаем литературных смиренных (НМ, 5, 1988).

Эти слова вполне могут предполагать отрицательную оценку со стороны говорящего, однако причина такой оценки — не презрение говорящего к смирению как к таковому, а оценка поведения субъекта как притворно-смиранный. Ср. следующие иронические контексты:

— Глядит таким смиренным, — начала она снова, — голова вся седая, а что рот раскроет, то солжет или насплетничает (И. С. Тургенев, Дворянское гнездо);

Этот смиренный целуется с Луизою, которая с трудом подымала ресницы при мужчинах (А. А. Бестужев-Марлинский, Замок Эйзен).

Исходя из всего сказанного, предложим толкования слов *смирение* и *кротость*.

Смирение *X* перед *Y*-ом = ‘состояние, заключающееся в том, что *X*, считая, что его жизнь зависит от высшей силы *Y*, не считает происходящее с ним чем-то, чему он может противодействовать’.

Кротость I = ‘свойство, состоящее в том, что в любой ситуации субъект не испытывает агрессивных эмоций по отношению к другим людям, что проявляется в его поведении’.

2.6. СМирЕНИЕ. ТРАКТОВКА А. ВЕЖБИЦКОЙ И А. Д. ШМЕЛЕВА

Интересно сопоставить результаты приведенного выше анализа семантики *смирения* с результатами анализа того же материала А. Вежбицкой и А. Д. Шмелева.

Анна Вежбицка, сравнивая в книге [Wierzbicka 1992] английское понятие *humility* с русским *смирением*, приходит к выводу, что для семантики *смирения* важно не низкое положение субъекта, а готовность принять все, что с ним происходит и всему подчиниться, тогда как для *humility* важно желание субъекта быть на последнем месте. Если прототип *смирения* А. Вежбицка видит в евангельском эпизоде моления о чаше в Гефсиманском саду, то в качестве прототипа *humility* она называет сцену, где Христос умывает ноги Своим ученикам ([Wierzbicka 1992: 193–194]).

Иную точку зрения на семантику *смирения* высказывает А. Д. Шмелев в работе [Шмелев 2000]. Анализируя слово *смирение* и его дериваты, он приходит к выводу, что эти слова вполне могут описывать значение, присущее, по А. Вежбицкой, английскому *humility*. По мысли А. Д. Шмелева, «основным (более “привычным”) для идеи, выраженной в слове *смирение*, является тот же общехристианский идеал отказа от гордости, который выражен в слове *humility*. Особенностью слова *смирение* является лишь то, что в нем отражен (в качестве дополнительного) и идеал примиренности, который, вероятно, можно считать характерным именно для русской языковой картины мира».

Предложенный в настоящей главе анализ понятия *смирения* позволяет в споре А. Вежбицкой и А. Д. Шмелева принять сторону первой. На наш взгляд, в пользу такой трактовки *смирения* говорит, в частности, отмеченная во Введении принципиальная несвязанность *смирения* со шкалой самооценки и метафорой верха и низа и включение в ситуацию, описываемую словом *смирение*, высшей силы, перед могуществом которой субъект отказывается от борьбы или от отстаивания своей воли.

Можно было бы считать, что к семантике английского слова *humility* близко русское *самоуничтожение* — если бы, во-первых, не отрицательная оценка, входящая в значение этого слова (ср. примеры ниже) и, во-вторых, не способность этого слова описывать действие (ср. *Ну, началось самоуничтожение!*). Ср. также *Поцелуй она руку генералу или сенатору, то это было бы лакейством, самоуничтожением, хуже которого для развитой женщины и придумать нельзя, поцеловать же руку поэту, художнику или композитору — это естественно* (А. П. Чехов, Открытие); *Как Вас, верно, потешают мои стремительные переходы от сладострастного самоуничтожения к гордой чопорности!* (Б. Акунин, Любовница Смерти).